

Алексей Мельников

АЛЕВТИНА

18+

Алексей Романович Мельников

Алевтина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44592052

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09160-3

Аннотация

Алевтина – участница опасного и таинственного эксперимента, призванного побороть ее смертельную болезнь. Но могла ли она догадываться, каким кошмаром обернется для нее излечение? Могла ли знать, какая судьба уготована другим подопытным? Могла ли подумать, какую цену заплатит за свою новую жизнь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2. Михаил Степанович и его семья	9
Глава 3. В преддверии лечения дочери	56
Глава 4. Другие участники	64
Глава 5. Алевтина – тетрадь закончилась	68
Глава 6. Карина	75
Глава 7. Аля и Аня	79
Глава 8. Дом	93
Глава 9. В ресторане	99
Глава 10. Первые ответы района	110
Глава 11. Охота открывается	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Глава 1

Во дворе, у подъезда одного из многоэтажных домов собралась толпа. Кто-то опустил голову и тихо плакал, кто-то держался за голову двумя руками, кто-то достал новомодный смартфон и пытался снять происходящее на видео. Находились и те, кто ринулся помочь, но оказалось слишком поздно. Тишина, и только далекий лай бездомных собак. В такие моменты, время останавливается, и жизнь начинает поворачиваться вспять и восприниматься иначе. Все то, что уже установилось, вдруг рушится или превращается в пепел или разбивается на мелкие осколки.

Послышалась сирена. И через минуту во двор въехали машины милиции и реанимации. Толпа начала расходиться, немногим захочется давать показания. Кольцо, которое образовали любопытные соседи, потихоньку растворилось. Внутри него, показалось тело, длинные волосы расплылись вокруг головы. Бездыханное тело прекрасной молодой женщины, лежало на асфальте как-то неестественно, словно расколота хрупкая статуэтка. На бледно-серо-голубом лице образовались капельки от покрывающего дождя. Кожа потеряла свой естественный румянец, а глаза цвета весеннего неба, отражали ужас вызванный свободным падением с десятого этажа, только ли это отражалось в ее глазах?

Рядом с разбитым телом, сидела девочка, лет шести. Плач

и хриплые выкрики разносились по всему двору: «мама, мама, прости меня, мама, прости...». Те люди, которые осмелились дать показания, сообщили, что крики девочки резали слух, что и вызвало такое скопление народа, но к приезду кареты скорой помощи, голос девочки практически пропал за тяжелым хрипом.

Реанимация забрала, то, что осталось от матери, а милиция девочку.

Сотрудник милиции привез девочку в больницу. Наутро, перед больницей показался автомобиль. Скрип тормозов стареньких «Жигулей» заставил пробудиться, дежурного врача.

– Доктор, что с ней? Не могу сказать.

Доктор заметно волновался.

– Вернее, я просто не знаю, что с ней. Никаких травм – проще говоря – на ней ни царапины, но я бы показал ее психотерапевту. На всякий случай.

Сидя за столом, он сложил руки, собрав пальцы в замок.

– Самочувствие тоже в норме, обычный, вполне здоровый ребенок.

Врач поднял глаза.

– Но я повторяю: ей нужно к психотерапевту.

– Я считаю такое состояние естественно для нее, ведь девочка вчера потеряла мать, – спорил другой человек.

– Дело не только в этом. Она всю ночь кричала, то сво-

им, то чужим голосом. Поверьте мне. Это жутко. Спросите у дежурной медсестры, она всю ночь находилась со мной в больнице и все слышала.

– Что вы хотите сказать, говоря, она кричала чужим голосом?

– Поговорите с медсестрой, я всю ночь не спал, и по-хорошему я не должен вам это все рассказывать, – сказал врач и замолчал, но через мгновение добавил: – врачебная тайна. Я буду ждать ее опекунов, если они появятся. А пока, попрошу меня простить, мне нужно отдыхать.

Глаза поднялись на часы, как на автомате, стрелки остановились на сорока пяти минутах десятого.

Дверь в кабинет закрылась. Пережить смерть матери в таком возрасте и видеть, постепенно тускнеющие родные глаза, пожалуй, что может быть страшнее.

Медсестра ни стала ничего комментировать, так же ссылаясь на тайность этой ночи.

Врач, принявший девочку, тяжело вздохнул, и голова опустилась в мягкие, вспотевшие ладони, которыми он усердно массировал виски.

Петли на двери скрипнули. В пространстве между косяками показалось молодое личико с волосами, стянутыми хвостиком сзади.

– Я дам вам два дня отгула, вы можете идти домой, сегодня постараюсь отдежурить один, – не поднимая глаз, промолвил врач. Он знал, что зашла медсестра, стерпевшая

кошмары ночи, стерпевшая страдания ребенка. Он мужчина, ему придется стерпеть еще одну ночь, притом совершенно одному.

– Что это значит? Какой отец? Да мне наплевать какие документы он показывал, – кричал офицер, – вы понимаете, что вы натворили?

Врач стоял, опустив голову. Он уже понимал, что его и сотрудника, который привел девочку, сделали крайними в этой сложной ситуации. Но врач не мог не отпустить девочку, очень влиятельные люди к нему сегодня заходили. Обещали не трогать его семью. Пообещали спокойную жизнь за его молчание. Но самым главным стало:

– Я ее боюсь.

– Вы испугались шестилетнюю девочку?

Выражение врача заставило развернуться сотрудника. Он стоял, опустив смиренно голову, словно ребенок и его ругают за совершенную им пакость.

– Простите, по-другому никак нельзя.

Офицер толкнул ногой со всего маху табурет, мирно стоявший перед ним. Тот нарушил тишину, звонко треснувшись о бетонный пол. Потом наступила опять тишина. В голове одного и второго творился кошмар. Будут увольнения, возможно даже суды. Сотрудник не успел приехать, а врач не мог иначе. Когда тебе угрожают здоровьем твоей семьи, приходится принимать решения быстрее обычного. У докто-

ра тоже дочь и сын, он не мог рисковать их жизнями. Ждать разрешения, значит подвергать их большой опасности.

– Вам придется проехать со мной, – закончил офицер, – и описать приметы ее отца. Иначе у меня для вас плохие новости.

Офицер надел наручники на человека в белоснежном халате и аккуратно усадил в машину с синими полосками по бокам. Их встречало солнечное утро, слепящее летними лучами. Проникая, через лобовое стекло, старых служебных «Жигулей» девяносто третьего года. Люди в машине еще не представляли, что их ждет по приезду в отдел.

Глава 2. Михаил Степанович и его семья

На кухне пел старый приемник, пел он ужасно, но его спасал голос молодой женщины. На сковородке шкварчал обед и по всей квартире распространился запах жареной курицы с овощами. Любимое блюдо маленькой Маши. Ее мама открыла форточку, лицо обхватил еще немного колючий ветер и его весенний запах оттаявшей земли и молодых ручейков. Тишина, рука сама собой потянулась, чтобы выключить старый бабушкин приемник. Надоел. Тишина и только шипение белого мяса в окружении ломтиков помидора.

– Маааама, мамочка... – как гром среди ясного неба разрывалось из комнаты, где мирно и тихо играла Маша.

Женщина побежала, оставив включенным газ, и ударившись ногой о стол, пронеслась через всю квартиру.

Детская комната, вокруг аккуратно разложены куклы одна напротив другой. Любимая кукла дочери лежала немного в стороне, повалившись на бок. Девочка стояла в метре от нее, держась за голову маленькими ручками, на щеках были растерты слезы, а перед ней была лужа, напоминающая завтрак. Ступор овладел матерью на несколько секунд от увиденной общей картины, присмотревшись, она увидела полупереваренный завтра и на платянице девочки, а потом и на

лице у любимой куклы. Рука дернулась, чтобы прикрыть рот от порывающегося рефлекса, женщина сдержалась.

– Машенька, что случилось? Тебе очень плохо? – спрашивала встревожено ее мать, усердно стирая с платья девочки рвоту, полотенцем, что предназначалось для протирания посуды. Видимо захватила его по инерции.

– Я не знаю, мамочка, голова... аааай, голова, мамочка, она очень болит, – девочка закричала еще громче обычного, топая одной ногой.

– Сделай, что-нибудь, мамочка.

– Сейчас я позвоню папе, потерпи моя хорошая.

Успокаивающе, женщина погладила голову Маши, с растрепанными волосами. И направилась в коридор, там стоял стационарный телефон. Доли секунды и она уже у него. Нога начала давать о себе знать. Чуть выше колена, сбоку выступил синяк со спичечный коробок, а посередине прошла ссадина, выступающие углы стола дали о себе знать. Они с мужем часто беспокоились, как бы дочка не налетела на один из них. Налетела мать.

– Да где же этот номер? Черт бы его побрал.

Дрожащие пальцы водили по записной книге. Номер сложный, чтобы запомнить его с первого раза, и не приходилось до сегодняшнего дня звонить мужу на работу, обычно после обеда звонил он сам.

– Вот он.

Пальцы начали прокручивать колесо с цифрами на ста-

реньком телефоне.

– Городская больница, Стрельцов, я вас слушаю, – серьезным голосом, быстро проговорил зазубренную фразу мужской голос.

– Миша, Мишенька, приезжай, пожалуйста, домой, прошу тебя. Маше плохо очень. Что-то с головой. Она держится за голову, кричит и жалуется на голову. Ее вырвало. Пожалуйста, приезжай быстрее. Я не знаю, что мне делать.

– Оль это ты? – встревожено для убеждения переспросил мужской голос, – что там случилось у тебя.

– Все сам увидишь, – голос задрожал, и слышались всхлипы и рыдание.

– Послушай меня, Оль, главное успокойся, я уже выезжаю, – он пытался успокоить рыдания на той стороне, – дай ей аспирин, я скоро.

– Что-то горит, Миш, кухня вся в дыму, – последовал протяжный гудок.

Через полчаса доктор стоял в коридоре своей квартиры. Его жена отскабливала остатки, сгоревшей курочки со сковороды с антипригарным покрытием, в воздухе еще оставался запах гари. Слезы уже высохли, а на ноге синяк разросся в два раза, залепленный пластырем в виде креста.

Среднего роста молодой мужчина, коренастый с небольшим «пивным» животиком. На голове уже пробивались первые залысины. Он испытывал некоторый дискомфорт по по-

воду редеющих волос, но комплексами и не пахло. Да о каких может идти речь комплексах, когда у тебя есть красавица любящая жена и дочка.

Проходя мимо стиральной машинки, Михаил обратил внимание на лежавшее дочкино платьице, свернутое в комок, а рядом так же небрежно скомканное кухонное полотенце. В нос ему мимолетно ударил сладковатый запах, и желудок чуть дернулся вверх.

– Где Маша? – поинтересовался вспотевший от пробежки муж, – почему ты не с ней? Ты дала ей таблетки, которые я тебе сказал?

– В своей комнате, спит, – сказала и кивнула Оля и продолжила медленно оттирать сковороду.

Девочка действительно спала. Таблетка аспирина подействовала, и головная боль спала. Но такая встряска организма уморила ребенка, погрузив его в сон. Куклы аккуратно уложены в изголовье кровати, среди них и любимая кукла девочки, с еще не высохшими капельками на резиновом лбу от тряпки. Электронные часы, на тумбочке перед кроватью выдали нереалистичным голосом, делая перед каждым словом паузу: «Три часа, ноль-ноль минут». На стульчике, таком же маленьком, как сама девочка, лежало, аккуратно сложено синее платьице, приготовленное на замену испачканного наряда.

Доктор прислонился губами к крохотному лбу, надеясь определить температуру. Странный жест для доктора, ко-

торый работает в фармацевтической лаборатории. Видимо цель не только определение самочувствия девочки. Он ее поприветствовал и передал этим все свои переживания. Лоб оказался не совсем холодным, но и горячим.

Вернувшись на кухню, отец тяжело вздохнул. Оля расположилась на полу, одна нога сложена под ней, а вторая, блистая огромным синяком. Вытянулась, упершись в ножку зловещего стола. Затылок касался застекленной духовки. Глаза закрыты, по одной щеке скатывалась чуть видная слезинка. Словно последняя капелька росы, на только что срезанной розе. Сейчас она могла только тихо плакать, надеяться и ждать ответа мужа.

Он опустилсся, сел рядом с ней и начал говорить:

– Оля еще нет причин для переживания. Она могла просто отравиться, – тихо, не без тревоги в голосе сказал Михаил, – я завтра же отвезу ее в больницу, и там ей сделают МРТ.

Он переживал не только за дочь, но и за жену.

Она открыла и взглянула на него светло-голубыми, глазами. В них читалась сильная усталость.

– Миш, там, в холодильнике макароны с тушенкой, вчерашние. Разогрей, покушай. Хорошо? – вытянула она. И вздохнула с дрожью в горле.

– Ладно, милая, не беспокойся, я все сделаю, тебе нужно отдохнуть.

На руке разместилась резинка, видимо сползла, с убранных в хвостик темных волос, пока его жена бегала, ища спа-

сения по квартире. Он отвел Олю в их спальню. Молодая женщина рухнула на кровать в одежде, и сразу свернулась в клубок. Она казалась такой же беззащитной девочкой, пережившей страх за свое счастье. И чтобы не сойти с ума потратила все свои силы.

Через минуту от нее исходило тихое сопение, Михаил аккуратно накрыл ее тонким пледом и так же, измерив губами температуру, прикрыл с обратной стороны дверь.

– Михаил Степанович, у меня для вас неутешительные новости. Как же вы так? Вы же сами работаете с человеческим мозгом, хоть и через препараты и не могли ничего заметить у своей родной дочери? Я поражаюсь на вас, – причитал коллега Михаила, в его голосе звучал упрек.

Заведующий отделением онкологии. Полноватый, можно даже сказать толстый мужичок, с хмурым лицом и маленькими глазками-пуговками. А длинный нос держал очки. Слушать упреки от такого кадра более чем неприятно.

– Может у вас проблемы в семье? Может вы опять взялись за старое, если вы понимаете, о чем я, а? Михаил Степанович? – добавил он.

– Это не ваше дело, что у меня в семье, – выплеснул, еле сдерживая себя от ругательства, Михаил Степанович. – Вы мне лучше скажите, что с моей дочерью. И помявшись, добавил. – Пожалуйста.

– Сами посмотрите.

Врач, сделавший девочке МРТ, разместил на магнитной доске снимки, сказал:

– Вы, я надеюсь, понимаете, что это значит?

– Но как? Она никогда не жаловалась.

Михаил закашлялся. Замелькали в голове вопросы. А потом посыпались камнепадом со скалы, каждый вопрос раздавался пульсом в висках.

– И, вы я думаю, Михаил Степанович, заметили, что опухоль небольшая еще. Но доверить ее лечение вам, я не смогу. В первую очередь, потому, что это ваша дочь. Я сделаю все, как надо, не переживайте. Желю тоже успокойте. Ваша дочь уже записана на первую химиотерапию. И я думаю, через неделю мы уже увидим с вами результат.

Он положил Михаилу руку на плечо и вышел из кабинета.

– Ничего не понимаю, Михаил Степанович, такое случается крайне редко, – сказал доктор, бегая по снимкам маленькими глазками, – мне остается только сочувствовать вам с женой.

Михаил сидел, окунувшись в свои руки лицом, и что-то шептал. Потом словно под воздействием скрываеваемой силы, вскочил и нанес сокрушительный удар по магнитной доске, та качнулась на двух металлических ногах, но устояла.

– Какого черта? Почему она?

– Я понимаю вас. Мы можем сделать еще одну химию, если хотите. Только держите себя, пожалуйста, в руках, – успо-

каивал коллегу по профессии, пожилой врач.

– Не надо. Нельзя рисковать, опухоль растет на глазах. А должна уменьшиться. Понимаете, уменьшится.

Михаил опять заколотил по доске, как будто она главная виновница всех его бед.

– Что ты собираетесь делать, Миш? – поинтересовался доктор, держа его за плечо.

– Не знаю.

По истечении еще одной мучительной для семьи Стрельцовых недели, Михаил, как обычно собирался на работу. На этот раз его сопровождал металлический кейс с кодовым замком, доставшийся в наследство от отца. Считался самым главным и самым дорогим, что осталось после его отца.

Отец его был химиком фармацевтом, и большую часть короткой жизни он потратил на изучение этой науки. Он покинул своих родных в сорок три года, оставив после себя полный чемодан расчетов. Михаилу на тот момент исполнилось двадцать лет и его представления о медицине ничтожно малы. Но кейс полный бумаг оказался бы кладом для любого, кто хоть немного интересовался этой темой. Только умнейший человек, мог выдавать такие вещи и записывать на бумагу. И Михаил не раз за бутылкой, рассказывал про своего отца, с гордостью и уважением. Считая его гением своего дела.

Вечер выдался непростым. Напряженным. Всегда тяже-

ло работая в онкологическом отделении, занимаясь именно проблемами опухолей мозга, объяснять матери, что ее ребенку осталось немного. Он понимал этих родителей, сам столкнулся с той же бедой. И каждый день видеть посеревшую мать такого ребенка, обнимать ее и тихо засыпать с ней в одной постели.

В кейсе оказалось много полезной информации. Глаза ре-зало от черного текста. Он часто тер их ладонями, и перели-стывал дальше, не зная, что там может быть что-то полезное для него. Видимо, это предчувствие. Интуиция. Его тянула в этот кейс какая-то сила, как магнитом. А может это вовсе не чутье, а посыл из прошлого из глубокого подсознания, идущее от рассказов его отца.

Будучи еще ребенком, Миша любил взгромоздиться на коленях у отца и слушать его рассказы. Темными вечерами он часто просил: «Пап, а расскажи мне лучше, что-нибудь про свою химию», – его голова опускалась на грудь отца, в ожидании чего-то интересного. Может быть тогда, отец и сказал что-то. Но что?

Второй час ночи. Михаил, облокотившись на руку, пере-кладывал отцовские расчеты.

– Папочка, папочка, смотри какие фиалки. Папочка? Что со мной, у меня кровь из носа. Папочка помоги мне.

Надгробная плита: «Мария Михайловна Стрельцова...».

Михаил дернулся, подкинув голову, и уставился на дверь.

На лбу появилась небольшая испарина.

– Это сон, слава богу, это сон, – зашептал он и опустил глаза на лист с надписью: «Немного размышлений о человеческом мозге». Это фраза вызвала у доктора ухмылку. Немного размышлений, всего-то сто страниц. Вот оно сокровище. Появилось желание пойти домой и хорошенько выспаться улетучилось, как испарина со лба.

– Вот это уже интересно. Спасибо тебе, пап. Надеюсь, срабоботает.

Кабинет заведующего отделением онкологии. Михаил «обрадовал» его своим присутствием уже в семь утра.

– Вы, что не уходили домой что ли? Учтите, узнаю, что вы опять, думаю понимаете, о чем я, в общем это последнее мое предупреждение.

В ответ Михаил напрягся, но опять сдержал себя. На лице только выступила чуть заметная ненависть.

– Я вам задам один вопрос и все.

– Слушая. Только быстрее, я еще даже переодеться не успел, – торопил он Михаила Степановича.

– Помните, вы говорили, что к вам обращался один влиятельный бизнесмен. С ваших слов он уж очень влиятельный и богатый.

На лице нарисовалась хитрая улыбка.

– Он еще умолял вас помочь ему с лечением кого-то. Обещал любые деньги. Помните?

– Ну, помню и что? – ответил с подозрением заведующий и покосился на своего работника.

– Дайте его контакты.

– Ага, счаз, – фразу он сопроводил кивком, – только в ящичке посмотрю. – Он опустил руку в ящик и поднял ее, вытягивая, а кулак изобразил жестом «фига». – Лучше выйдите из моего кабинета, Михаил, пока я не вышел из себя.

Дверь ударилась о стену в коридоре и не закрылась.

– Совсем крыша съехала? – крикнул вдогонку начальник и закрыл за ним дверь.

Через час они вновь сидели за одним столом. Перед Михаилом, отражая солнечные лучи, лежала золотистая визитка, словно тонкий лист золота, с надписью: «Полковник». А под ней номер телефона.

– Почему вы решили мне принести его номер?

– Вы хороший специалист, Михаил. И у вас беда в семье и если у вас есть идея, способная помочь выкарабкаться не только вашей дочке, но и помочь этому человеку, то почему бы не дать вам эту визитку.

Зав отделением пододвинул визитку к Михаилу и добавил:

– Я предпочту довериться. Не подведите, Михаил.

У Михаила рот стал сплошной улыбкой. Будто в этой визитке все его спасение. Это карточка из тонкого картона – ключ к лечению его дочери. И она же – визитка – лекарство

от слез его любимой жены. Оля плакала каждый день. Что может быть хуже видеть умирающую на глазах дочь.

– Еще кое-что, – решил добавить человек за большим столом, – у меня будет просьба. Этот богач не должен знать, кто дал его номер.

Михаил, кивнул, изображая понимание.

Всего через два с половиной месяца после звонка полуподвальное помещение местного института психологии превратилось в современную лабораторию по разработке лекарства от онкологии, в частности от онкологии мозга. Современные МРТ аппараты, пробирки на столах, и клетки с пищущими белыми крысами. Их просто кишело. Идеально белые помещения освещали современные люминесцентные лампы. Любое желание фармацевта – онколога исполнялось после звонка. Ему подвозили любую вещь. Редкий препарат, новейшее оборудование.

«Если ты сделаешь это, ты будешь самым богатым врачом на планете, я тебе гарантирую...», – обещал ему голос в трубке, принимая очередной заказ.

Наконец-то появился лучик надежды. Семья скоро признает своего героя. Мысли у него забиты только семьей. Дочка Машенька и жена Оленька. Только ради них он пошел на безумный риск, связавшись с этими людьми от отчаяния. Кем был его спонсор и на что он способен, молодого специалиста интересовало в последнюю очередь.

От него стали звучать обещания каждый день за ужином и обедом. Пытаясь дать такой же лучик надежды не только себе, но и своей семье. Но кто болен у этого человека? Как он позже его назовет просто «спонсор».

Изо дня в день крысы терпели его уколы. Писк становился для него все невыносимее, а результата ноль. Постоянный писк, сводящий с ума. Каждый день начинался с перелистывания отцовских рукописей в поисках заветной ошибки, которая не позволяла ему создать лекарство. Над этим лекарством великие умы пыhtят уже десятки лет, с момента первого заболевания.

«Неужели я какой-то провинциальный фармацевт, смогу взять и создать это чудо снадобье», – сомневался в себе Михаил. Но что-то опять и опять заставляло его перелистывать страницы, а после вкалывать жидкость бедному животному в надежде на лучшее. Этим двигателем стала его дочь и жена.

Оставаясь к концу дня наедине с грызунами, он начинал с ними общение. Иногда мог встать на колени перед клеткой и разрыдаться, как девчонка отличница, получившая двойку. Изливая душу крысам, начинал вливать в себя алкоголь.

Старая зависимость, словно язва, требующая немедленно почесать ее, заканчивалась кровотечением. В два часа ночи гремела входная дверь в квартире семьи Стрельцовых, потом посуда. А после, оставив грязную, не до конца опустевшую тарелку на столе, ложился рядом с женой. Все чаще можно было услышать тихий женский плач на кухне. И шум во-

ды отраженный от сальной тарелки. Скала под названием семейное счастье дала трещину, от основания до макушки, и грозила рассыпаться на куски. Поначалу три кусочка: мать, отец и дочка, а вскоре и они рассыпались бы, потеряв кусочек по имени Маша. И тогда не выдержало бы слабое сердце Оли, и «язва» Миши загубила бы все его труды. А зачем лекарство, если той, для кого оно создавалось, больше нет?

– Найдите мне одного из самых лучших студентов. Он должен обязательно иметь большое представление о психотерапии и головном мозге. Да есть результат. Я прошу вас сделать это, как можно быстрее, – сказал, вешая трубку Михаил. Человек со стороны – это риск, но он того стоил.

Отправляясь в лабораторию, Миша запускал руку в подвесной шкафчик у себя в кабинете и извлекал оттуда бутылку. Он думал о семье, но в момент поиска в нем выпивки, научился отключать эти мысли, пока в жилах не потечет алкоголь. Только напившись до горячки, он вдруг снова вспоминал о дочери и о любимой жене. Вспоминал свадьбу, потом рождение Машки и мечты. Столько планов было перечеркнуто в тот весенний полдень, звонком жены с просьбами, как можно скорее приехать домой.

«Агрессия, вызванная изменениями сознания, за счет вмешательства активных составляющих препарата, а изменения произошли только лишь потому... почему? А потому, что мозг крысиный слабоват по отношению к человеческо-

му в первую очередь психически и нервная система не так развита...», – пытался оправдаться он перед самим собой. Скорее всего, именно сомнения заставили пригласить к себе помощника.

– Михаил Степанович? – послышался молодой голос за спиной. Это оказался студент, о котором просил Михаил. Худощавый парень. Волосы пострижены под ежика, умные карие глаза, и уверенная улыбка на лице. Он показался Михаилу именно тем. Уверенный в себе, умный специалист, на счет второго он еще сомневался, но именно такой и нужен Михаилу Степановичу. Но почему так быстро? Прошло всего два часа и вот, на пороге стоит студент.

– Да, это я. А ты видимо тот студент, что обещали мне прислать, – поинтересовался Михаил и просканировал его взглядом.

– Совершенно верно, Михаил Степанович.

– Не будь так уверен в себе, дружок, провинишься, я сдам тебя тем людям, что тебя прислали. Ты меня понял?

– Да, – ответил студент, и его улыбка начала медленно уменьшаться.

– Ладно, студент, как тебя зовут то? – взбадривающим тоном начал Михаил.

– Антон.

– А меня можешь звать просто доктор, если тебе удобно, я не обижусь.

От доктора доносился легкий запах перегара. Но Антон

отправлен к нему и предупрежден: «без лишних вопросов». Только то, что говорит ему доктор. Только его указания, взамен освобождение от скучных занятий в университете, что находился на два этажа выше лаборатории, а при удачном завершении проекта диплом без экзаменов и научная работа уже готова и ждала подписи у ректора. Но ее дебютное выступление могло произойти только при положительном завершении эксперимента. И только по рекомендации Михаила Степановича. Иногда он и жалел, что оказался лучшим из группы. Это ведь последний – пятый курс. Если доктору не понравится его работа, то прощай универ.

Он пришел сюда в роли настоящего специалиста. И ему предстояла сложная работа, а не пара конспектов за неделю. И просиживание штанов в душевой аудитории.

– Я хочу тебя познакомить с твоим рабочим местом, Антон, – сказал Михаил Степанович, открывая медленно дверь в лабораторию.

Антон ахнул от восторга или испуга. Он читал фантастические романы и считал, что такие места – это только фантастика. Оказалось и фантастике есть в нашем мире место. А ему выпала возможность принять в этом активное участие. Но сколько вокруг крыс и такой раздирающий уши писк. Но когда к ним приближался доктор они, вмиг замолкали – боялись, думал Антон. От света ярких ламп они были, как белые, ослепительные пятна, перемещающиеся по клеткам со скоростью света. Перепрыгивая друг друга, некоторые куса-

лись. В глаза бросились три клетки. Антон обратил на них внимания. Ничего особенного – они пустые.

– Я погляжу, ты уже обратил внимание именно на то, ради чего я тебя пригласил сюда.

Самодовольная улыбка доктора ослепляла студента. Он подошел к этим клеткам и грызун нервно зашевелился. Михаил Степанович стоял посередине, напротив одной клетки, две другие стояли по бокам.

– Подойди сюда, Антох.

Через минуту клетки выстроили в треугольник. Между ними в центре разместился доктор.

– Вот смотри, – сказал он, выходя из этого треугольника. Крысы сидели у ближайших к нему стенок клетки, создавалось впечатление, что они хотят дотянуться до него, словно он их родная мать. Но когда между ними оказалась пустота, два из них начинали раздирающий перепонки визг, а третья карабкалась в панике на противоположную стенку маленькой решетки.

– Это удивительно, Михаил Степанович, – с большим интересом в голосе сказал Антон и направился к клеткам. – Я так понимаю, эти крысы жили когда-то в одной клетке?

Студент немного наклонился, рассматривая животных.

– Все верно. И те, что огрызаются самец и самка. У меня есть предположение, что они потеряли какую либо память, при этом что-то происходит с инстинктами.

– Это очень интересно. А что вы хотите от меня, Михаил

Степанович? – выпрямившись, спросил Антон и внимательно посмотрел на доктора.

– Что бы ты помог мне в этом разобраться. И у нас с тобой очень мало времени.

– Мало времени на что? – в голосе студента появилась тревога. Его брови сдвинулись вперед.

– Мало времени на эксперимент. Вернее до его начала. Первый пациент уже придет на следующей неделе. Его предоставят те же люди, что прислали тебя. У пациента опухоль мозга. Ему осталось не больше года. Мы должны постараться, дружище. А если он выживет, то нас с тобой ждет светлое будущее. Ты хороший парень, Антох, не беспокойся, завтра же я сообщу спонсору, что ты мне подходишь в роли помощника и глазом не успеешь моргнуть, как станешь дипломированным специалистом.

Михаил Степанович подмигнул, своему новому другу.

Год 2001, Институт психологии.

– Михаил Степанович, он же разгуливает по коридорам в одном халате. Поднимается на учебные этажи, пугает студентов, особенно студенток. Каждый день слышу жалобы преподавателей. Вы конечно, многоуважаемый ученый, вам с этого ничего, а на меня все шишки.

– Подожди, Антох, он нас с тобой еще обогатит. Мы создали в его голове пустоту, вернее в его сознании, а теперь заполним эту пустоту тем, чем нужно нам с тобой. Да кста-

ти это не бомж, а Георгий Валентинович. Я бы даже сказал без пяти минут уважаемый Георгий Валентинович, – сказал Михаил Степанович с довольной улыбкой, – он же, как первый человек в космосе, его имя и наши с тобой имена будут жить вечность.

Это первый пациент после сотни белых крыс, на которых испробовали лекарство. Присланный пациент людьми спонсора. Полноватый, мужчина, с виду в нем килограмм девяносто пять. По лицу уже давно не проходил бритвенный станок. Обычный человек, который потерял в своей жизни все. Семью, бизнес и уважение.

Палата. Четыре стены давят мраморной белизной, и оглушающая тишина режет слух, непривыкшему человеку. Посередине, одинокий низкий стол с подушкой, чем-то отдаленно напоминающий кровать. А на нем окутанное сном тело пациента.

Доктор бережно, одним легким ювелирным движением надрезал верхушку ампулы и набрал в шприц голубоватую жидкость. Шприц наполнился до крайней отметки. В нос ударил едкий запах спирта, доктор намочил им кусок белоснежной ваты и смазал участок на внутренней стороне локтя. Резко, но так же с ювелирной точностью, вонзил иголку, и в кровь влилась голубоватая жидкость.

Скоро наступит пустота. Полное расслабление мозга. Очищение памяти. Не будет ничего, кроме имени и пары воспоминаний: как дойти до дома, и обратно в лаборато-

рию. Снова резкий запах спирта, на этот раз, чтобы не текла кровь, пробитой в вене невидимой раны.

Доктор похлопал своего пациента по плечу, как лучшего друга. Потом пообещал ему вернуться через полчаса и пожелал, чтобы тот не скучал. Скривил губы в улыбке и закрыл за собой дверь.

Он сидел в своем кабинете и перечитывал, вернее сказать зазубривал, то, что ему предстояло рассказать своему пациенту, находящемуся в состоянии, вызванном голубоватой жидкостью. Это был то ли гипноз, то ли глубокий сон, в любом случае в этом состоянии пациент беззащитен, как новорожденный ребенок во сне. Это был побочный эффект вызванный лекарством, которое по теории Михаила Степановича, должно было уменьшить опухоль в мозге, а в дальнейшем стереть ее.

Проведенный эксперимент на крысах дал положительный результат, вопрос только в том, как ему удалось вызвать опухоль мозга у грызунов, никто не знает. Изучая лабораторных животных, он увидел, что их поведение становилось странным после введенного им препарата. Исходя из глубокого изучения их крохотного мозга, Михаил Степанович сделал вывод, что крыса потеряла память.

Поместив самца белого грызуна в клетку с самкой, с которой он уже неоднократно спаривался, самец вел себя достаточно агрессивно. Когда самка перешла в наступление для заведения нового потомства, самец перегрыз ей горло. Кры-

сы теряли не только память, но и часть инстинктов, а в частности теряли контроль. Доктор уверял сам себя в том, что человеческий мозг сложнее и любые связи между нейронами у него в голове в сотни раз крепче крысиных. Он надеялся на эту разницу.

Прошло двадцать пять минут с того момента, как лекарство смешалось с кровью пациента и мчалось в сторону большого мозга.

Доктор глянул в зеркало, висевшее у выхода из кабинета, поправил белоснежный, как первый снег халат, выйдя, повернул ключ.

Его переполняло волнение и страх. В его руках находилась папка с надписью: «14-01(95)». Она содержала в себе все ключевые моменты эксперимента, эта кипа никогда не оставалась без присмотра. И толстую тетрадь, на которую он и пациент потратили не один день. Там вкратце излагалась жизнь больного, с его воспоминаниями, ключевыми моментами в жизни первой любовью... за исключением тех моментов, которые пациент решил навсегда забыть, тетрадь с жирно выведенной надписью «Григорий-01».

Доктор поведал испытуемому обо всем, включая крыс, которые все забыли. Больного это не пугало, ему не хотелось помнить прошлого, но единственное Михаил Степанович оставил в секрете – это агрессивность крыс, он пока и сам не мог дать объяснения такому поведению грызунов.

Ему хотелось скорее проверить работу препарата, пока

его дочь медленно умирала. В том, что мозг сложнее он оказался полностью прав, мозг человека не только сложнее, но и опаснее...

Он приоткрыл дверь и вошел в палату, внутри него билось сердце, как у мальчика на первом свидании, руки непослушно дрожали. Доктор испытывал сильное волнение. Словно ребенок на утро после новогодней ночи, подходя к елке.

Он подошел к единственному небольшому столику, на нем, отражая в себе свет люминесцентной лампы, стояла бутылка с надписью «Водка». Именно для такого случая. Он знал, что потребуется расслабиться. Не каждый день диктуешь человеку его жизнь. Сделав три средних глотка, закрыл бутылку, и постепенно дрожь в руках стала отступать.

Доктор неспешно, чтобы не тревожить посторонними шумами, приподнял стул и поставил его рядом со спящим пациентом, почти плотно к койке. Он снова похлопал по плечу пациента: «ну что дружище, я вернулся, так держать...».

Шепот стал заносить прямиком в сознание, все, что вылетало из окружности бледных губ Михаила:

– Начнем с твоего рождения.

Он заглянул в большую тетрадь формата А4, и начал читать:

– Год 1972 в селе на 35-ом километре, в вечно гуляющем и шумном центре, в новой постройке, родился мальчик...

После восьми часов, как и предполагал Михаил Степанович, пациент проснулся, а доктор к тому моменту уже допи-

вал бутылку и еле держался на ногах. Тяжело, словно чью-то жизнь прожил... Тетрадь пронизывала куча личных подробностей Григория и все это за семь с лишним часов непрерывного чтения вслух, идею с записью на кассету они отбросили сразу – нет гарантии, что магнитофон в самый неподходящий момент не зажует пленку.

Доктор находился еще в уме и памяти, но и не трезв. Теперь оставалось ждать и при необходимости корректировать некоторые моменты в памяти пациента. Теперь Гриша должен проходить целый месяц осмотр, отвечая на вопросы заранее подготовленных тестов.

Глаза пациента стали яснее и добрее. Григорий неуверенно открыл и проморгал их, словно вытряхивая, застрявшую песчинку, принесенную ветром.

Слепил яркий белоснежный свет люминесцентных ламп, которые располагались не только на потолке, но и на стенах. Как пациент очнулся, доктор нажал на выключатель, и белый режущий сменился теплым светом. Доктор проверял реакцию пациента и его психическое восприятие окружающего мира.

– Ну как ты себя чувствуешь приятель? – выговорил с нескрываемым любопытством Михаил Степанович.

– Голова гудит, ... как все прошло?

– Не спеши, приятель, – ответил доктор, придерживая рукой, столик. Рот кривился в хмельной улыбке, – пройдет месяц, другой и все станет ясно. Как что-то будет ясно, я мгно-

венно дам тебе знать. Ты помнишь, что ты должен делать в течение этого месяца?

– Да, я буду находиться в вашей лаборатории, а точнее в своей палате, вы будете прокалывать мне лекарства, чтобы я быстрее восстановился, будете разрешать мне выходить гулять, а после курса лечения я начну новую здоровую жизнь... – он рассказывал это все, как диктор вызубренный текст. Это последний параграф в тетради под названием «Григорий-01».

– А теперь контрольный вопрос, Григорий, – Михаил Степанович слегка откашлялся, и сказал, – назови свой адрес?

Михаил Степанович не упоминал в тетради такие моменты, как адрес проживания пациента, его имя и еще некоторые мелочи из его жизни, чтобы продолжить исследования и выяснить, что именно забыл пациент, и с чем это связано.

– Октябрьская улица, 27-8, – ответил Григорий, глубоко-мысленно почесывая макушку.

– Отлично.

Спустя две недели.

Медбрат бежал по коридору, халат болтался от встречного воздуха. Чуть не поскользнувшись перед дверью, он остановился, выдохнул. Нужно было отдышаться, но он сразу вбежал, тряся темными снимками. На них было что-то, напоминающее череп, на одном спереди, на другом вид сзади, на третьем с боков. Лицо его растянулось от улыбки.

– Это наш, пациент, ну точнее ваш. Михаил Степанович, взгляните – это победа. Это победа! – кричал молодой прыщавый парень в халате.

– Так-так, – сказал доктор, забирая снимки у крикуна, – спокойнее, друг, я сейчас сам все посмотрю.

Михаил Степанович взял линейку. Приложил к одному снимку, потом к другому. Где-то покопался, достал широкую тетрадь. Прочертил пальцем по ней от верхней строчки до самого низу и засмеялся. Он вновь и вновь прикладывал линейку к снимкам, опять вглядывался в тетрадь, опять повторил и опять. Вскочил со стула и чуть не раздавил прыщавого в своих объятьях.

– Ты понимаешь, что это значит? Да что ты можешь понимать, студент.

– Вообще-то я все...

– Не перебивай старших, – возразил доктор, – вот Антоха точно знает, что это значит, возьми, взгляни, – сказал он, отталкивая медбрата, передал снимки Антону.

Его напарник взял, тонкий пластик изображениями и задумчиво вгляделся. Почесал растрепанный затылок и тоже начал что-то мерить маленькой линейкой.

– Да, все верно Михаил Степанович, опухоль уменьшилась. И вы зря так с моим учеником, он сразу заметил изменения. Он очень способный, – сказал Антон, поворачиваясь к студенту, – спасибо Кирилл.

Кирилл улыбнулся. Улыбнулся и поднял свои очки вверх,

к прыщавой переносице. Дверь закрылась вслед за ним.

– Ну-у-у, согласен, немного чудной паренек, но способный, уверяю вас, доктор, – проговорил сквозь смех Антон.

– Ладно, ладно, я не против твоего общения с парнями, только не давай ему особо интересоваться нашими с тобой делами. Все-таки, это государственная тайна, как ни как, – ответил Михаил Степанович, это очень серьезно.

– Что? Михаил Степанович... вы смеетесь надо мной? Вы считаете, что я?

– Да расслабься ты, – ответил он, хлопнув со всего маху по плечу, Антон чуть не упал, – Антох, ты представляешь, это же победа, опухоль у пациента уменьшилась. Это значит, что он идет на поправку и спонсоры, кажется довольны. И Машеньке больше не придется страдать. Но нужно еще потребоваться на взрослых. Нельзя подвергать доченьку риску.

Напарник знал, кто такая Машенька. Это дочь доктора. И она заслуживала жизни, как и все. Будучи фармацевтом, одним из лучших в городе, Михаил Степанович имел колоссальные связи в медицине и обследовал свою дочь, практически сразу после ее появления на свет. Как он говорил, просто перестраховаться. Но тогда все было хорошо, а теперь она тихо ждет своей смерти дома.

– Нужно провести ряд заключительных тестов и если все будет хорошо, я смогу помочь своей дочурке, – констатировал Михаил Степанович.

– Вы уверены? Я думаю одного пациента, при этом взрослого, недостаточно, чтобы убедиться в удачности эксперимента, – ответил Антон, просматривая снова и снова бумаги, – вы несколько дней назад думали совсем иначе.

– Ты в чем-то прав, но ведь снимки не врут, Антон – опухоль стала меньше и это видно без линейки.

– Да, но...

– Ну что но? – перебил его доктор, – Я понимаю, это риск, и поверь мне, я переживаю не меньше твоего, это моя дочь... – сказал доктор и опустил глаза, они заблестели от влаги. Его плечи еле помещались в дверной проем.

Дверь в кабинет отварилаь без стука, и на пороге появился человек в пиджаке и наполированных ботинках.

– Мне нужен Михаил Степанович, – произнес ровным баритоном мрачный человек в дверях.

Доктор и Антон с опасением переглянулись, как будто они разбили школьный горшок вдвоем, а отвечать перед директором сейчас будет один.

– Это я, – ответил доктор, в его голосе звучало: «кто вы и кто вас сюда пустил?»

– Замечательно, меня зовут Сергей и нам нужно обсудить с вами один момент, – быстро скомандовал человек в костюме, – и я бы хотел без лишних ушей, – добавил он и символично посмотрел на Антона.

– У меня нет секретов от своего напарника, – ответил Михаил Степанович.

– Я настаиваю, иначе мне придется удалить его самому, это очень важный разговор, Михаил Степанович, – без единой эмоции продолжал гость, – я настаиваю, Михаил Степанович.

Двое в белых халатах снова переглянулись. Доктор кивнул Антону, соглашаясь, чтобы тот вышел из кабинета.

– Очень хорошо, – сказал «пиджак» и повернул ключ, торчавший в двери.

Они вдвоем были заперты в кабинете. Как кот и мышка. Как школьник и директор, который сейчас начнет рассказывать ему истории о том, как плохо заканчивают жизнь двоечники и хулиганы. Доктор приготовился к самому страшному.

– Я от... – продолжал, незванный гость и протянул удостоверение, – мне очень бы хотелось взглянуть на результаты вашего эксперимента. Если все хорошо, то финансирование продолжится и у нас для вас есть заманчивое предложение. Ну а если все плохо, то вам придется закрыться. И скорее всего лично вам будет несладко.

У доктора заколотилось сердце, как отбойный молоток. Что именно должно быть хорошо для этих людей в результатах, а что плохо...

– Я могу рассказать...

– Не нужно, не просто же так, именно меня направил сюда ваш спонсор, – улыбнулся «пиджак» и продолжал рассматривать документы и снимки на столе доктора, – я закончил медицинскую академию с отличием, – продолжил он и скри-

вил губы в хвастливой улыбке.

Михаил Степанович хотел ответить ему, что по его лицу вообще не сказать о причастности того к интеллектуалам, но сдержался. Этот человек не внушал доверия. Мрачное лицо со шрамом, пересекающим рот и соединяющим две губы, как нитью. Этот узор напоминал крест. Скорее это лицо боксера, о чем свидетельствовал шрам на губе, но не доктора медицинских наук.

– Вот мой вердикт, доктор. Я могу вас поздравить. Финансирование будет продолжено, – просмотрев документы, сказал дипломированный боксер.

Михаил Степанович, ничего не понимал, но с облегчением выдохнул. В форточку ворвался осенний ветер, пропитанный сырой листвой и первыми нотками прохлады. Он понял, от кого этот человек (Спонсор).

– Теперь к главному, – продолжал с частичкой торжества гость. Этот человек был чересчур вежлив, и подтянут до тошноты. Вся эта выправка, командный голос, все как надо для настоящего офицера, – давайте присядем.

Он протянул доктору толстый сверток. Доктор не ошибся, это деньги.

– Здесь аванс, от моего начальника. Теперь к сути дела. К несчастью у него заболела дочь, наверное, вы уже догадались с первых моих слов, чем именно она заболела. У нее опухоль мозга, Михаил Степанович, все врачи разводят руками и говорят, что вылечить ее невозможно. И девочка не смо-

жет отпраздновать даже свой десятый день рождения. Михаил Степанович, мой начальник просил передать вам, что если вы сможете вылечить ее, вернее, если она после вашего лечения пойдет на поправку, то...

– Но я...

– Не перебивайте, если она после вашего лечения пойдет на поправку, вы получите в десять раз больше чем в этом конверте.

Он глазами показал ему на белый сверток рыжих бумаг.

– И вам не придется отчитываться за все эти деньги, они пойдут вам прямым в карман. Есть вопросы?

Михаил Степанович молчал, его охватило чувство тревоги. Да таких денег, что лежат в конверте ему и за год не заработать с его докторской зарплатой, не говоря уже о десяти таких конвертах. Эти свертки ценных бумаг решили бы все его материальные и не материальные проблемы. Но это чужой ребенок, что если не получится, и лечение не пойдет на пользу? Эти люди втопчут его в землю, и макушки не будет видно.

Но все эти справки с пометкой «Григорий-01» говорят, что все идет по плану и снимки говорят, что все только в сторону улучшения.

Вдруг словно струна оборвалась вся эта нить, сплетенная из его мечтаний, опасений и рассуждений о чужом ребенке – он вспомнил о своей дочери и слова Антона: «Я думаю одного пациента, при этом взрослого, недостаточно, чтобы

убедится в удаче эксперимента...». Появилась идея.

– Я согласен, – неожиданно ответил доктор.

– Вот и замечательно, – сказал и улыбнулся в ответ гость в пиджаке. И протянул руку, пальцы Михаила Степановича хрустнули, – я завезу девочку к вам в больницу в эту среду.

(Был понедельник).

Прошло десять минут с того момента, как за окнами отъезжал неприметный отечественный автомобиль. Михаил Степанович развалился в кресле и потянулся в ящик. Там дожидался случая, подаренный ему всем коллективом пятизвездочный коньяк.

Раздался стук в дверь.

– Да – да, – ответил на него доктор, доставая следом за бутылкой стакан.

– Михаил Степанович, к вам можно? – заглядывая в кабинет, спросил осторожно Антон.

– О-о-о, Антоха, ты вовремя, присаживайся, – доктор потянулся в распахнутый ящик за вторым стаканом.

– Вы же знаете, что я пью очень редко, – отодвигая стакан, сказал его помощник, – и что за повод?

– Повод потрясающий, гляди, – ответил доктор и кинул бумажный сверток легким движением на стол, тот приземлился со шлепком на стол в сантиметре от стакана.

– Что это? – Антон не скрывал удивления.

– Это наша с тобой годовая зарплата, Антох.

Доктор сидел с довольной улыбкой, коньяк хорош, и это

отражалось в голосе.

– Да я вижу, что не месячная. Но откуда? И кто этот человек? Если вы хотите, чтобы я продолжал с вами работать, то потрудитесь объяснить...

– Тщ-щ-щ... – перебил его доктор, приложив палец к своим губам, – не слова больше, и достал десяток рыжих бумажек из конверта, – держи, и не задавай лишних вопросов, будет время, ты сам все узнаешь. И еще кое-что: перепиши следующей пациенткой на прием Карину...

– А как же ваша дочь? – удивился снова Антон.

– Всему свое время, ты ведь сам говорил, что у нас не было еще пациентов детей и что это риск. А теперь есть возможность испробовать. И девочка эта того же возраста, что и моя дочь. Но облажаться нам нельзя, Антох, понимаешь, нельзя, иначе...

Доктор изобразил пальцем, как перерезается горло и засмеялся, но смех выходил у него неестественный, какой-то истерический.

Антон даже на мгновение расширил глаза в испуге – доктор спятил. Но потом вздохнул – доктор пьян.

– Мы обсудим с вами это завтра, хорошо?

В ответ Михаил Степанович икнул, а потом его голова медленно опустилась и резко поднялась.

Через минуту вдоволь охмелевший доктор развалился в кресле и что-то бормотал себе под ном. В кабинете только он

и недопитая бутылка коньяка. По какому случаю подарена эта бутылка? Кажется, прошло уже шесть лет. Тогда на рабочий телефон поступил звонок. Прибежал медбрат и сказал, чтобы Михаил срочно спустился к телефону. Звонила его жена, находясь дома на девятом месяце и вот-вот должна родить.

Он ждал этого момента всю свою жизнь. Распланировал этот день до мелочей и рассказывал: «Как только я узнаю о рождении своего ребенка, я брошу все свои дела и полечу под окна роддома и буду стоять там с огромным букетом цветов... Потом я отвезу свою жену и дочурку домой...». Внимательно Михаил Степанович впитывал каждое слово жены: «девочка, такая прелестная, она так похожа на тебя Миш, а глазки голубые. Да все хорошо. Да-да, крохотная – три килограмма, ты представляешь маленькая такая частичка тебя и меня, спасибо тебе за нее Миш».

Михаил Степанович осознал, что он сидит пьяный в кресле и воротник на его рубашке уже намок от слез. Нужно идти домой, дать жене часть денег и сказать, что скоро все будет хорошо.

– Я не дам ей умереть!

На календаре 19 сентября, среда. Михаил Степанович сидел в своем кабинете, пальцы нервно постукивали по столу. За окном дождь отбивал сбивчивый ритм. Напряжение нарастало. Тяжелее и дольше идет время, когда сидишь в ожи-

дании чего-то очень важного. В этот день он ждал девочку на лечение. Дочь того самого спонсора. Его посещали предостерегающие мысли, появилась жена перед глазами со словами: «это большой риск... я боюсь...». Доктор резко начал тереть лицо ладонями, словно умывается. Лицо налилось кровью, и тут раздался стук в дверь:

– Михаил Степанович, это мы.

В дверях показался, знакомый парень со шрамом на губах, но в этот раз он улыбался. За ручку он держал девочку в вязаной шапочке. Головной убор прикрывал облысевшую головку от постоянных химеотерапий. Одета она была в розовую кофточку с нарисованным зеленым зайчиком на уровне живота, и розовые штанишки, а на ножках кроссовки под цвет зайчика.

– Кто эта принцесса? – спросил, растеряно, доктор. Он их ждал, но вошли они как-то очень неожиданно, когда лицо горело от натирания.

– Карина, – засмушалась девочка, прячась за огромную по сравнению с ней руку, сопровождающего.

– Добрый день, Михаил Степанович, – перебил знакомство сопровождающий. Аккуратно посадил девочку на стул. Пальцы доктора вновь хрустнули, – здравствуйте.

– Ну вот, это Карина – дочь сами знаете кого. Будьте с ней вежливы и осторожны. Вы и я отвечаем за нее головой.

Михаил Степанович убедительно кивнул и бросил на нее взгляд. Она была немного похожа на его Машу, только без

волос. Маленькие часто бывают похожи.

– Вы меня услышали, я думаю, – продолжал гость.

Доктор качнул головой, не отводя глаз от маленькой пациентки. В голове крутилось: «отвечаю головой, остановись пока не поздно, нашел на ком экспериментировать, ты самоубийца, но пути назад нет».

– Я вас услышал, – словно под гипнозом ответил доктор.

– Вот и замечательно. Кариночка, будь пайнкой, я скоро вернусь, доктор проверит тебе голову, и мы поедем есть мороженное.

– Хорошо дядя Сережа... – сказала девочка, перебирая шнурки на своих зеленых кроссовках.

Через полчаса дядя Сережа вернулся за девочкой. Спеша узнать диагноз. Огромный кулак ударил по двери с той стороны.

– Можно я вас буду называть Сергеем? – начал с ноткой официального разговора, Михаил Степанович.

– Да, пожалуйста.

– Значит Сергей, вот что мне удалось выяснить.

Доктор передал ему, напечатанную минуту назад теплую от принтера справку.

– Диагноз подтвердился, – Сказал он, перевел переживающий взгляд на девочку, ее искренне жалко, – ваши врачи правы, но не во всем. До десяти лет ей не протянуть, максимум до восьми.

Даже у Сергея заблестели намокающие глаза. Но он не по-

дал виду. Откашлялся, ком засел в горле. Его начальник являлся лучшим другом и Карину он любил, как дочь, – я вас понял, Михаил.

– Когда вы начнете лечение?

Ком подбирался все выше. Сергей знал про диагноз, но не знал, что времени настолько мало.

– Мне нужно поговорить с кем-то из ее родителей и тогда...

– Это исключено! – перебил Сергей.

– Без этого никак... – настаивал Михаил Степанович.

– Исключено, я еще раз повторяю, могу даже по слогам, чтобы стало понятнее, – ис-клю-че-но!

– Выслушайте меня, это очень важно.

Доктор указал рукой на девочку. Та стояла у окна и на носочках пыталась выглянуть на улицу. За окном барабанил дождь, фальшиво.

Глаза у Сергея опять намокли. В кабинете стояла гробовая тишина.

– Объясните зачем? Почему это так важно?

– Мне нужна такая тетрадь, – сказал доктор, протягивая «Григорий-01», – то же самое, только в ней должно быть описание жизни девочки и продолжение, то кем хотят видеть ее родители с мельчайшими подробностями. Без их помощи, даже с вами и при моем большом желании, ничего не получится. Поверьте мне, Сергей, это очень – очень важно. Без этого ничего не получится.

Они неподвижно смотрели на девочку. Зеленый зайчик приветливо улыбался с ее кофты. Со стороны казалось, что девочка не понимала в чем дело. Насколько с ней честны родители?

Ее должна ждать впереди красивая жизнь. А отец мечтал отпраздновать хотя бы еще один ее день рождения. Видеть ее счастливые карие глазки.

Сергей не хотел верить в неизлечимость этой чертовой болезни. Как посмела эта болезнь надломить цветок, который должен цвести ярче других. С таким папой у нее могло быть все, что она только пожелает.

– Хорошо, я поговорю с ее матерью, думаю, она сможет прийти. Только я вас сразу предупреждаю, никто не должен знать, что она приходила сюда. Коридор должен быть пустой, когда мы придем, ваш напарник не выйдет в этот день на работу и время будет ограничено... – перечислял требования Сергей.

Доктору ему пришлось согласиться. Трудно спорить с человеком, у которого кобура выглядывает из-под пиджака, как змея на охоте, готовая в любой момент поразить добычу. Как бы Михаил Степанович не сопротивлялся требованиям, он все так же оставался всего лишь мышкой, запертой с котом.

Прошла неделя. Среда. За окном почти солнечно. Доктор увидел, как приветливо качается на ветру ветка, усыпанная

золотой листвой. Осень – это время мечтаний и творчества. В это время приятно растянуться в кресле и потягивать горячий кофе. Это время предназначено для отдыха от бурного и безмятежного лета. Это начало учебного года. В школах – туда-сюда ходили с поникшими головами школьники.

Доктор сразу предупредил, что Карине придется на пару месяцев забыть об учебе. Сергей его убедил, что она нагонит своих сверстников, говоря с надеждой на ее выздоровление.

Сегодня будет сделан первый шаг, в следующую среду укол и месяц реабилитации. Скорее бы с этим покончить, мечтал доктор: «Получу деньги и вылечу Машу».

Михаил Степанович ходил по кабинету, за спиной крепко сжимал блокнот. Накануне он накидал в него пару-тройку десятков наводящих вопросов, для написания биографии девочки. А продолжением будет сказка, которую придумает для нее ее мать. А в случае с Григорием – автобиография «новой жизни».

В ожидании троих гостей, тикали часы, стрелка остановилась на половине десятого. Договаривались на девять. В глубине души доктор мечтал, чтобы они не приехали, а только прислали письмо: «Мы не нуждаемся в вашем лечении, спасибо за помощь, Михаил Степанович». И плевать на эти деньги. Подумаешь несколько миллионов. А с другой стороны стояла его дочь и жена в слезах.

Его взгляд привлек черный минивэн. Из кабины вышли два человека в масках. И тут, что-то оборвалось внутри. Ис-

пуг, за его будущее? У него вырвалось: «Если все провалится, я труп!»

Люди в масках подошли к подъехавшей к задним дверям белоснежной иномарке. Дверь бесшумно. Такие женщины каждый день слышат комплименты.

А вот и знакомые лица, следом за высокой брюнеткой и маленькой девочкой с косичками шел Сергей – лучший друг босса и начальник охраны. Михаил Степанович занял свое рабочее место за широким столом. Окно прикрыли жалюзи. Пальцы отбивали знакомый ритм. Руки чесались открыть ящик, в котором прятался «пятизвездочный». Жена в голове напомнила ему об алкоголизме. На, что он ответил о единственном кормильце и о том, что женщине нужно знать свое место. Этот коньяк куплен на деньги спонсора.

– Нельзя! – сказал он вслух, останавливая себя. Ладонь хлопнула по столу. По коридору шелкали каблуки.

– Мы опять идем к доктору? – интересовалась девочка. Ее звонкий голос невозможно не узнать.

Михаил Степанович узнает этот голос из тысячи. Он не хотел думать о том, что этот голос может потухнуть, как свеча в один миг. Не будет больше смеха и этого зайца на кофте. Он отгонял эти мысли, а они сопротивлялись все сильнее.

– Все получится, – прошептал он сам себе и направился на встречу к двери. Ладонь горела от хлопка по столу.

Дверь открылась.

– Я вас услышал и решил встретить, заходите, пожалуй-

ста, – приветствовал доктор, дождался, когда все зайдут и дверь захлопнулась.

На этот раз телохранитель просто кивнул, а на его лице читалось напряжение.

– Может, не нужно было брать с собой Карину? – спросил Сергей, – вы же будете говорить с мамой.

– Девочка будет нам помогать. А вас я попрошу удалиться, Сергей, – ответил Михаил Степанович.

– Исключено! На этот раз сто процентов!

– Сереж, если так нужно для моей дочки, то тебе придется оставить меня на пару-тройку часов без своей охраны. Муж не узнает, – заговорила женщина.

Ее спокойный, бархатный голос радовал слух. Глаза, как у девочки, только немного потухшие, просили телохранителя согласиться. Эта женщина почти смирилась, что ее дочь не спасти и готова ко всему, если есть хоть крохотная надежда.

Сергею пришлось отступить.

Своего имени женщина не называла. Сказала, что это может быть угрозой его жизни. Доктор согласился общаться без имени. Но подтвердил, что такие моменты, как имена мамы и папы, и свое девочка не забудет.

Доктор в спешке записывал слово за словом текущее от матери. Для Карины это игра. Столько эмоций за несколько часов. Это немного пугало.

Женщина плакала и смеялась, потом снова плакала и снова смеялась. На столе лежала куча, из промокших салфеток

и постепенно росла с каждой сентиментальной историей. За несколько часов эта веселая тройка выдохлась. История закончена. Теперь оставалось дожидаться следующей недели. Сделать укол, рассказать сказку и верить в лучшее. Ждать чуда. В каждой сказке есть чудо.

День лечения Карины, девочки, у которой опухоль слишком большая, чтобы вылечить ее традиционными способами. Все врачи отказались от нее. Только один осмелился идти против правил, против судьбы. Согласился пойти на огромный риск.

«Получится лечение – ты богат, погибнет девочка – ты следом за ней».

Он все взвесил, конечно, весы склонялись на сторону отказа от этой глупой идеи – необоснованный риск. Отбросив весы в сторону, пихнул свое упрямство.

Любовь к риску у него с детства, особенно проявлялась на школьной скамье. Постоянные розыгрыши учителей и одноклассников на грани, что называется, законодательства. «Твои выходки не дадут тебе спокойной жизни, о себе не думаешь, подумай хоть о матери...» – любила причитать школьная учительница. И вот тот день настал, когда выходка или успешное лечение. Это и определит его судьбу.

Половина десятого на настенных часах. И привычный звонкий голос в коридоре совсем рядом, прямо за дверью: «Я соскучилась по доктору...», – слова раздавалось эхом. Кори-

доры пусты, как уже оговорено заранее. Антон опять в отгуле. Без лишних свидетелей.

Стук в дверь отозвался эхом в сердце. С того момента пульс не опускался.

– Михаил Степанович, доброе утро, – поздоровалась мама девочки. Ее губы нарисовали очаровательную улыбку. – Я оставила Сергея у дверей здания, мне нужно будет вам кое-что сказать.

– Хорошо, – согласился и улыбнулся в ответ доктор, приветливо кивнул, протягивая девочке руку. Крошечная ладошка утонула в руке своего спасителя.

– Здравствуйте, – радостно сказала девочка.

Он, молча, взял папку «14-01(95)» и тетрадь «Карина-02». Ключ повернулся в замке кабинета. В конце коридора в подвал спускалась лестница, нижняя ступенька скрывалась в темноте, снизу поднимался легкий сквозняк. Щелкнул выключатель, глазам открылась лестница, а дальше еще один коридор.

После погружения в нулевой этаж, предстояло пройти еще метров двадцать. Вдоль стен по десять дверей, на каждой висел замок, только одна в самом конце коридора открыта нараспашку. Одновременно маня и отталкивая гостей. Холод шел от труб, растянувшихся под потолком, как паутина толстых и тонких, водопроводных и канализационных, с некоторых словно пот капала вода.

В тишине эхом раздавалось цоканье женских каблучков.

Доктор поднял глаза на мать девочки, та немного нарумянилась. Кабинет ждал приближения новых гостей.

– Так, маленькая мисс, ложится на кровать, а большая ждет в коридоре, – скомандовал Михаил Степанович, но потом исправился, – то есть, вас, я попрошу подождать меня в коридоре.

Мать девочки улыбнулся, заметив смущение доктора. Дверь тихо закрылась.

– Сегодня последний день твоих страданий, Кариночка и твоя головка больше не будет тебя донимать. Сегодня ты поправишься, – начал доктор. Девочка лежала спокойно в ожидании чуда.

Изобразив улыбку, она промолчала. В этот день у нее голова не давала покоя с ночи, словно ее пронзали кинжалы, ковбои устроили между собой перестрелку и никто из них ни как не мог попасть в цель. «Скоро это кончится», – эхом отозвались слова в ее голове, и карие глазки закрылись.

– Сейчас тебя укусит комарик, – сказал доктор, натирая ей обратную сторону маленького локтя спиртом.

С ее болезнью и частыми посещениями врачей она знала, что такое укол и знала какой большой комарик и как сильно он кусает.

– Тык. Ну, вот и все, – произнес доктор, стирая спиртовой ваткой капельку крови, – теперь лежи здесь полчаса, и я приду, чтобы рассказать тебе сказку.

Девочка уже спала, и не ответила, когда он погладил ее

тонкое плечико.

В коридоре ждала мать. И, кажется, репетировала, что скажет доктору. Она знала, что сказать.

– Михаил Степанович, – начала она с какой-то искренней тревогой в голосе, – дело в том, что я хочу уйти от мужа...

– А я здесь причем? – спросил, не дослушав, доктор, – это ваше дело.

– Я уйду от него после лечения дочери, и заберу ее с собой, я хочу, чтобы он не знал, куда мы уехали, у меня к вам просьба.

– Я не могу вмешиваться. Поймите меня.

– Я вас прошу. Вы моя последняя надежда, только вы сможете мне помочь. Я вас умоляю.

Доктор замялся, отвернулся. А потом сказал, медленно поворачиваясь:

– Возможно, я пожалею об этом. Что от меня требуется?

Молодая женщина улыбнулась своей обворожительной улыбкой.

– Поменяйте ее имя в тетради на Алену.

На его лице проявилось недоумение.

– Я вас прошу доктор, – уговаривала она.

– А если я случайно оговорюсь и назову ее старым именем, времени же очень мало, я не успею исправить. И почему про ее отца вы заговорили только сейчас?

Женщина оглянулась по сторонам.

– Не переживайте, пожалуйста, нас могут услышать. Отец

любит девочку, но меня он ненавидит, я не хочу, чтобы она помнила его. Пожалуйста, Михаил Степанович. Михаил, я прошу тебя...

– Стоп. Остановитесь.

Доктор положил хрупкой женщине на плечо руку и сказал:

– Я помогу вам. Только, давайте без эмоций.

– Спасибо, я вас еще отблагодарю...

– Мне пора к вашей дочери, потом поговорим, – закончил он, кинув взгляд на часы. Очень быстро пролетает время, когда споришь с женщиной. Теперь доктору добавилась просьба матери.

Только бы не теперь не назвать девочку старым именем (если имена перепутаются, неизвестно к чему это приведет). Но теперь придется скрывать девочку не только от отца, но и от Сергея, получается, он ее видит последний месяц. Мокнет там под дождем и искренне переживает. И он придет в конце дня за ответом, доктору придется соврать.

Михаил встряхнул голову. Поздно рассуждать. Маленький столик, стакан вновь наполнился коньяком. Он на глаз отмерил 50 грамм и проглотил. Крякнул. Пора. Подставил стул, все, как и с Григорием, только пациент на этот раз крохотный. Чего ждать от лекарства, он не знал. Как поведет себя совсем юный мозг.

Эту тетрадь он прочитал на час раньше, чем первую. Девочке оставалось спать еще полтора часа. После этого в ушах

у Карины поместились беруши, чтобы в детскую сказку не влезла взрослая реальность. Хотя в тетрадь вписались и моменты ее будущего, взрослого будущего, но только до восемнадцати лет, дальше сама, так они решили с матерью и доктор подумал, что для своей дочери сделает так же.

Мать девочки с нетерпением ждала, когда получит разрешения войти в палату, как ребенок, стоя в очереди за подарком в большой семье. Дверь открылась, ей в лицо ударил резкий запах коньяка.

– Вы что, пьете? – возмутилась молодая женщина. На вид ей не больше двадцати пяти, среднего роста, кареглазая брюнетка, доктору нравились такие, но только нравились – не больше. Любил он жену.

– Отмечаю, – поправил ее, охмелевший Михаил Степанович, – я сделал все, как вы меня просили и ни разу не сбился, представляете? Видимо я сошел с ума, раз пошел ради вас на такой риск...и-и-и-к...

В двенадцать часов он уже снова сидел в своем кабинете, развалившись в новом кожаном кресле. Он не мог вспомнить, как все прошло – вроде нормально, когда уехали девочка с Дианой (она представилась ему), и как он изменил своей жене (обещанная благодарность). Голова раскалывалась. Предстоял путь домой.

Ровно через неделю предстояла такая же операция с Машей, как и хотел, имя у нее теперь будет другое. После рождения она стала Машей, а после «второго рождения» – Алев-

тина, это имя они выбрали вместе с женой. Это ради безопасности, старался перестраховаться ее отец.

Глава 3. В преддверии лечения дочери

Оставались последние штрихи, те самые, что художник пишет на картине перед завершением шедевра. Именно такой они считали тетрадь с тем, что должна помнить их дочь после излечения – шедевр. Стояла задача поместить туда все самое важное, что не сможет всплыть в голове к восемнадцати годам. Доктор и сам не имел представления о том, что именно должно пропасть в ее маленькой голове после введения сыворотки. И что будет тогда, когда тетрадь в ее голове закончится. Были лишь догадки. Лекарство открывало просторы для изучения, давало результаты, но какие побочные эффекты? Всем, кто участвовал в этом эксперименте, только предстояло узнать. Это как нестись на космическом корабле к неизведанной планете, вот же она, ты летишь и видишь ее, она ярко отражает свет от солнца. Но что на этой планете? Будущее науки или что-то ужасное, что которая испепелит корабль, лишь только он приблизится к неизведанной планете.

Он знал, что память даст сбой и что-то девочка точно забудет, но рассчитывал, что на просторах сознания потеряются в основном негативные воспоминания. Это касалось мелких неприятностей. Тех, что не дают уснуть по ночам, за-

ставляя обдумывать их. Те, от которых подушка по ночам становится влажной. Что же приготовит ей память на самом деле и как на все это отреагирует ее маленький мозг, никто не мог знать. Для науки это все было в новинку. Доктор, как космонавт, высадившись на новой планете, до конца не изучив ее обитателей.

Последние моменты той жизни, что должны помогать Маше, а точнее Алевтине до восемнадцати лет, составляли лишь опору. Колонны, на которых будет стоять все ее сознание и все то, что она успела накопить за шесть лет и что ей еще предстоит накопить, а дальше эти колонны рухнут сами собой. Их заменит опыт, те уроки на ошибках, что учат жить и осознавать мир таким, какой он есть. Огромный риск ради ее жизни. Пусть этот результат до конца не изведен, но в его основе все же стоит здоровый мозг родной дочери, остальное он считал подвластным науке.

Михаил Степанович с женой на кухне. На той самой, где Оля обычно готовила для их небольшой, но очень счастливой семьи. Счастливой семье до того момента, пока тишину весеннего утра не пробило: «мамочка...», рвота на полу, любимая кукла дочери на полу, лежавшая почему-то в другом конце комнаты и их дочь, маленькая и такая беззащитная, держалась за голову. С тех пор Оля каждую ночь плакала в подушку.

Виной ее слез не только болезнь Маши, но и поздние приходы мужа домой. Запах, переходящий в вонь. Женщи-

на чувствовала, что он зайдет в спальню еще задолго до того, как он дойдет до нее, ему стоило только пошевелиться на кухне, после работы, оставив после себя грязную тарелку. Ее готовку он считал «потрясающей стряпней», но алкоголь притупляет все чувства, любимая еда становилась – «дай что-нибудь закинуть в рот перед сном...». Пару раз она решалась переночевать в комнате дочери, запах мужа не давал уснуть. В те ночи ее гостеприимно принимало небольшое кресло.

Их маленькая семья гордилась, как обставили комнату девочки, все как она любила: зеленые цветы на стенах, чего только стоило найти такие обои, и сколько было улыбок продавцов и слез Маши, когда она кричала на всю округу и протестовала, требуя именно зеленые цветы, а не красные и тем более не желтые. Для Оли и Миши совсем непонятно, откуда у девочки такая любовь к зеленым цветам. Потом Оля, как-то припомнила, что их дочь рассказывала про зеленые цветы, кажется про хризантемы. А потом вспоминались горящие глазки, когда на витрине цветочного магазина им попались зеленые розы, но мало ли, что может быть в голове у мечтающей девочки, и она не придавала тогда этому значения, а зря.

А сейчас главным для всех стало пережить день лечения самого маленького члена семьи. Пережить эту ночь, а после утро. Дождаться их с Мишей домой, она уже планировала, что будет на ужин. Ужин в кругу семьи, пережившей так

много.

Тетрадь наполнилась печатным текстом, состоящим из тысяч слов, и каждое слово Михаил старался обдумать. Словно заполняя очень важный документ при устройстве на работу мечты. Ошибка могла стоить неправильного восприятия девочкой всего мира, но это тоже лишь перестраховка. Доктор полностью доверился теории, и формулам, что вывел его отец. Михаил всего лишь ученик, перенявший знания через книги, пытающийся применить их на деле. Для него не было учителя умнее, чем его отец. Он как-то сказал Оле: «Будь папа жив, точно смог бы вылечить нашу дочурку». На что она только опустила голову и продолжила мыть посуду.

Этот день их объединил снова, как в старые добрые времена, за совместным поеданием мороженого. Бывало, их счастливая троица вешала картину, собранную из мозаики, на стену в Машинной комнате. Миша вешал, Маша прыгала и кричала, чтобы он перевесил чуть левее, а теперь выше, а Оля скромно упиралась спиной на косяк, вытирала мокрые руки кухонным полотенцем и ждала любимых на ужин, с тихой улыбкой. Это день был немного похож.

Миша записывает, только теперь Оля помогает, а не стоит в стороне. Папа еще обещал сложить маленькую картинку. Любимое занятие девочки – мозаика.

– Пап, вы скоро? – поинтересовалась Маша, подойдя к столу. Поняла на родителей большие, мечтающие глазки.

Под мышкой у девочки спряталась любимая кукла.

Родители о чем-то спорили, выглядело это довольно странно. Нельзя сказать по ним, что они ругаются. Они сейчас похожи на двух очень влюбленных, когда на коленях сидит девушка и чему-то противостоит, а потом краснеет и сдается. Их уставшие лица одновременно повернулись к дочери. Энергии у них осталось только на улыбку.

– Да, доченька, мы уже закончили. А ты прибралась у себя в комнате? – с шутливой строгостью поинтересовался отец, – мы с мамой сейчас пойдем проверять.

Девочка кивнула и залезла к папе на колени, игнорируя его обещание проверить порядок. Кукла уже лежала на полу, словно прилегла вздремнуть после обеда. Оля сидела рядом с Мишей, ее голова опустила к нему. Тихо спустилась на грудь и коснулась макушки Маши. Отцовские руки обвинили двух его любимых девочек, ощущая тепло семейного счастья. Будет ли теперь всегда так? Покажет завтрашний день. Покажет время.

А ведь случалось столько моментов, когда он мог потерять это все. Эти объятия и улыбку жены. Оля терпела, тихо плакала и терпела каждую его пьянку, и поздние возвращения домой. Что самое удивительное в этой женщине, это то, что она никогда не поднимала тему развода, даже мыслей себе об этом не допускала.

На чем строилась ее любовь, такая бескрайняя и преданная любовь? И что позволяло ей держать себя в руках? Опо-

рой, конечно же, всегда выступала Маша. И вот сейчас эта опора дала трещину. Рухни она и что тогда? Что тогда будет с Олей? Но сейчас она старалась отпугнуть все эти мысли от себя и сильнее прижалась к мужу. Хотелось проснуться, и чтобы это оказался всего лишь сон, страшный, ужасный сон. Именно эта искренность была в ней изюминкой, что притягивала к себе Михаила. Мужчины любят искренних женщин.

Лежа головой на груди у мужа, Оля вдруг подняла взгляд. Взгляд котенка, переполненный нежностью и страхом.

– Ну, что ты, милая? Ты очень устала. Не переживай, все получится, – сказал он и поцеловал в лоб, сдвинув ее упрямую челку в сторону, – я тебе обещаю. Но говорить, все равно было тяжело. Трудно разобраться, когда утверждаешь то, что точно не можешь знать, но сказать этому верящему в чудо человеку, что чуда может и не быть, все равно, что сказать ребенку: «прости, я не знаю, будет ли в этом году твой любимый праздник, скорее всего, нет». Даже если фраза будет в позитивном ключе, настрой пропадет и пережить время до наступления момента истины, будет куда тяжелее.

Он тяжело вздохнул. Его рука поднялась с талии на голову жены, пальцы запутались в прическе. Для него перебирать волосы Ольги сплошное удовольствие.

– Мамочка, папочка, – полусонным голосом произнесла девочка, – я вас очень люблю.

– И мы тебя, очень-очень, с папой любим. – Сказала Оля. Она не могла отвести глаза от своего супруга. Глаза намокли.

Маша засыпала прямо на руках родителей. Из ее маленького носика, доносилось сладкое сопение. Для девочки завтра самый важный день в ее жизни. И в жизни ее родителей.

Миша отнес девочку в кровать, теплые губы коснулись лба. Оля видела, как сильно они любят друг друга. Папина дочка. Но и она не была обделена этими чувствами. Ее губы тоже прикоснулись ко лбу дочери – спокойной ночи. На стене, словно одинокий лесной костер, тихо-тихо озарялся ночник. А через светло-кремовые шторы пробивался полумесяц, ему хотелось заглянуть в их скромную квартиру и проведать, как семья переживает тяжелые для нее времена.

Дверь в сонное царство Маши тихонько прикрылась.

Руки Михаила скользили по очертаниям груди. Поднимались вверх, а потом спускались, медленно, огибая каждое очертание Оли. Казалось, ладони горели огнем, а пальцы касались ее каждой чувствительной клеточки на коже. Она издала неуправляемый с ноткой благодарности стон, а после удовольствие сосредоточилось в твердых, как камушки сосках. И вдохновленные звуками руки проскользнули по изящным очертаниям обнаженного таза молодой женщины и с отчаянной смелостью спустились в нежное, влажное тепло. Женщина прильнула к мужу, сопровождая его прикосновения сердцебиением загнанного кролика и глубокого дыхания, что щекочет ухо, разгоняя по телу армии мурашек. Миллионы мурашек. Ее тело выгнулось, словно волна, по-

середине с гибкостью и легкостью кошки, оставшийся край одеяла соскользнул, оголяя упругую грудь. И она попала в плен теплых и сильных мужских рук – сопротивление бесполезно, ты его добыча и пока дело не будет кончено, он тебя не отпустит...

Глава 4. Другие участники

Спустя две недели после операции с Кариной, так же как и в случае с Гришей, прибежал все тот же прыщавый мед-брат со снимками и улыбался так же глупо, все получилось. Через час явился Сергей с чемоданом денег и пожеланиями в процветании.

Доктор спланировал все это на восемь утра, а в десять он принимал уже трех новых взрослых клиентов. С ними он должен был составить тетради под номерами «03», «04», «05». Тетрадь дочери он назвал, как и сам проект – «14-01(95)», а сам проект в честь дочери 14 – Мария, 01 – Алевтина, хотя первоначально означало «01 – первый ребенок в эксперименте» – совпадение, а 95 – год ее рождения.

На этот раз при составлении тетрадей ему помогал Антон, он уже успел почувствовать себя на скамейке запасных и даже держал обиду на Михаила Степановича. Доктор доверял ему только тесты с пациентами, а к тетрадям на метр не разрешал приближаться.

Сами операции планировались на четверг, пятницу и субботу, после чего он планировал насладиться отпуском. И дальнейшие больные после этих троих, могли пройти подобный курс лечения лишь через месяц.

Время шло, казалось, все позади. Болезнь, переживания и слезы жены. Для Михаила Степановича закончилось худшее

время в его жизни.

Все тесты с участниками проходили на пять с плюсом, казалось, все идеально и результаты превзошли все ожидания. Каждый из них приобрел новую жизнь благодаря голубоватой жидкости и стараниям доктора. Для участников он стал кем-то вроде второго отца, спасителя, что вытянул из трясины под названием смерть. Подал руку.

Участников того коварного эксперимента было шесть: Григорий Бычков («Григорий-01») – был самым первым в этом эксперименте и самым первым покинул этот мир спустя три месяца, дочь спонсора – девочка шести лет с простым именем Карина, а второе имя, которое она получила после операции, доктор держал в тайне, с яркими, как жемчужины глазами.

После Маша – Алевтина – девочка, получившая два имени – дочь главного в этом эксперименте. Четвертой в этом списке была Анастасия Андреева – мать двоих детей и жена успешного бизнесмена. По иронии или под воздействием лекарства она влюбилась в «Григорий-01». После лечения для Михаила Степановича они не имели имен, только «...01», «...02», «...03» и так далее, кроме своей дочери, даже Карина не была для него Кариной, хоть ее мать влезла в его жизнь полноценно и была Дианой.

«Григорий-01» и «Анастасия-03» влюбились. Доктор считал это забавным – имена уже не имеют значения. Удивительно то, что и смерть их настигла в один день. Как в клятве

о вечной любви...

А замыкали список два чудака, не сказать, что они были глупы или не могли сказать, сколько будет дважды два, возможно именно так действует препарат на интеллектуалов: Артем Артемович или «Артем-04» – пожилой мужчина, любитель костюмов прошлого века, лысеющую голову которого покрывала шляпа. «Профессор в шляпе» – по-доброму смеялись другие участники по-доброму.

До болезни он возглавлял кафедру в университете (так он указал в анкете, не уточняя, что именно он преподавал). Судя по его постоянным вычислениям и дискуссиям с «Леонидом-05» о судьбе отечественной точной науки, он преподавал физику и математику. Он искренне не верил в возможное излечение, считая его чудом. «Я ученый и в чудеса не верю, но готов рискнуть, другого выхода нет», – сказал он, протягивая руку Михаилу Степановичу.

Вскоре между «...04» и «...05» образовалась какая-то связь, Антон даже пытался шутить: «Прям, как у Насти с Гришей», только Артем Артемович и Леонид не умерли спустя три месяца, а продолжают жить, их дружба только крепче, как связь между нейронами. Точно, как два нейрона, они взаимодействуют друг с другом.

Как распорядилась судьба с Мариной и Машей – Алевтиной знал отец, пока они не отметили свой восемнадцатый день рождения. Михаил Степанович даже поздравил одну из них, ставшую для него родной. После этого Карина отправи-

лась в свой путь, не писанный доктором и ее родительницей в подвале (в тетради с надписью «Карина 02»).

Родители даже не догадывались, что творилось в головах у их дочерей. Что-то удивительно-ужасное, а в тоже время раз-личное друг от друга. И удивительное на столько, что трудно поверить.

Михаил Степанович считал себя ужасным отцом. Он пару раз выходил с Алевтиной на связь, через своего помощника Антона. Но тот не желал иметь ничего общего с бывшим приятелем, что в пьяном угаре оставил его без всего. Без ра-боты, с дурной славой и парой долгов, убежав из города. Для Антона тогда Алевтина стала маленькой опорой, чтобы под-няться с колен, помочь ей вырасти в этом ужасном мире и уберечь от таких людей, как ее папаша.

Глава 5. Алевтина – тетрадь закончилась

– Что со мной произошло? – кричала Аля. На календаре пятое июня. Она помнила, значение этого дня. Но не помнила какую-то важную информацию. Не осталось в голове, кажется чего-то очень важного. Словно прочитав книгу, ты начинаешь ее перечитывать и видишь, что в ней не хватает самых интересных страниц, казалось самых важных страниц. Была мать, был отец, школа, подруга. Кажется это квартира подруги, сегодня день рождения. А где родители?

Аля хотела дождаться подруги и все у нее разузнать. Не может же она быть сиротой, если она помнит, что были родители, а может это были и не родители. Для нее заново открывался давно изведанный мир. Как новая глава. Перед ней выросла стена вопросов. Стена, через которую не перелезть и не пробить.

В такой день молодые парни и девушки чувствуют себя, как-то особенно и каждый помнит этот день. Кто-то впервые напивается и приползает домой на коленях, кто-то в кругу родителей и близких друзей. И каждый ждет этот день (восемнадцать лет).

Восемнадцать лет? Да сегодня день рождения Алевтины. Но кто гости? Родители? Она в ужасе искала хоть какие-то

напоминания о родителях. Кухня-какое яркое солнце-стол-записка: «доченька, прости меня и маму, но по-другому было нельзя. Возможно, когда-то ты все поймешь и простишь нас, но сейчас это тебе не нужно. Папа...» – Она заметила в письме тревогу, с которой человек подписался «Папа». Пара зачеркнутых и исправленных слов, выдали спешку и неуверенность в своих обещаниях: «... поймешь и простишь нас...».

Вскоре на пороге появилась ее подруга. Аля не решилась ей рассказать ни про записку, ни про свою память. в надежде, что ответы придут со временем. Аля знала, что девушка, которая стояла на пороге – ее подруга – ее лучшая подруга.

Так наступил ее восемнадцатый день рождения, особенный, не как у всех: без музыки и звона бокалов до утра. Но он тоже стал особенным. На празднике была одна подруга Аня, которая и не думала обращать внимания на округлившиеся глаза подруги.

– Смотрю, ты уже? – сказала подруга, постучав обратной стороной ладони по шее, засмеялась в голос.

Аля вспомнила свою подругу можно сказать заново, словно перечитала книгу, что читала когда-то в раннем детстве, любимую и такую родную. На тот момент Аня уже забрала ее от тетки – уговорила переехать к ней в квартиру, которую ей подарили родители.

Часто даже накатывали слезы – становилось стыдно, видя, как Аня любит ее. «Ты же моя сестренка...», – говорила

ей, подруга. Аля улыбалась чуть скривившимся ртом и поднимала влажные глаза. Она так и не рассказала Ане о том, что все забыла – зачем пугать подругу, ведь она у нее одна – последний островок надежды, поводырь для ослепшего путника в таком знакомом когда-то мире.

Имени данного ей при рождении, она не знала. Да и зачем ей было что-то такое знать, даже мыслей, что ее могут звать, как-то иначе, не возникало. Ее зовут – Алевтина.

Самое страшное то, что она еще не догадывалась, какой дар поселился в ней. И что совсем юная девушка, уже успела испортить десятку людей их и без того короткие жизни. И тем более не имела представления, какая жизнь ее ждет. А внутри нее таяла надежда хоть раз увидеть своих родителей. На столе лежала записка от отца, немного пожелтевшая от времени, но ее написал живой, родной для нее человек. Значит, она не сирота и найти хотя бы его могилу, если его уже нет в этом мире – стало ее надеждой. А с ним она надеялась найти мать.

Наше время.

Взгляд Алевтины скользил по заглавию первой полосы свежей газеты: опять загадочный район, опять странные обстоятельства, опять свидетели, которых тут же увозит «скорая помощь».

– Что там происходит? – возмущалась Аля, кинув газету на стол редактора, – почему вы не пускаете туда ни кого?

– Опять читаешь конкурентов? – с легкой улыбкой, спросил Денис Михайлович, – при этом старые статьи.

– Ну, а что мне остается делать? Вы не пускаете меня туда, я бы написала хорошую статью и не упустила бы ничего.

– Сколько раз тебе можно повторять?! – перебил он девушку, – Как ты не поймешь, там опасно, все эти дешевые газетенки спрятались у себя в редакциях, и пишут, ссылаясь на рассказы каких-то очевидцев. Я ни за что не поверю, что кто-то из них был там. А верить слухам я тоже не собираюсь. Не хочу, чтобы моя газета писала опровержения. В этот район перестали выезжать даже сотрудники полиции, никто не хочет рисковать, понимаешь? Ни кто! Почему ты такая упрямая? – редактор, договорив, достал с кармана серого пиджака пачку дорогих сигарет и закурил.

В нос ударил едкий запах никотина. Он особенно противен, если ты не куришь. Становишься чувствительнее к подобным запахам. Тяжелый и едкий, он оседает во рту. После него еще волосы пахнут, как пепельница. Аля терпеть не могла, когда курят в ее присутствии. И начальник знал об этом. Но продолжал смаковать сигарету, самодовольно стряхивая пепел.

– Вы же бросаете, Денис Михайлович, – сказала Аля, в голосе слышались нотки призрачения и обиды. Глаза уставлены в пол. В руках она держала наброски статьи. Вернее вопросы для нее. Она, как обычно шла в кабинет, чтобы поделиться идеями, с надеждой на понимание. Ожидания оказа-

лись ложными.

– Мы же договаривались с тобой Алечка, что не Денис Михайлович, а просто Денис, – сказал он с довольным видом. Его поза демонстрировала важность. Взгляд вкручивался в ее лицо, как окурок об стеклянную пепельницу.

– А знаете что? Я напишу статью! – ответила девушка. Подняла горящие глаза и всхлипнула.

– Тогда тебе придется написать заявление по собственному желанию. Для начала. И делай, что тебе хочется. Только не в моей редакции.

Редактор пододвинул ей листок. В этом движении просматривалась неуверенность.

– Я готова!

– То есть так легко из-за какой-то глупой статьи?

– Для вас все мои статьи глупые, я хочу написать что-то стоящее, чтобы не я читала с завистью конкурентов, а они читали меня!

– Как знаешь! Жду тебя завтра с заявлением! – Денис не выдержал и сорвался на крик. Но последние слова он уже кричал навстречу ветру от захлопнувшейся двери, – еще не хватало мне из-за какой-то девчонки...

Разговор выдался неприятный. Начальник не воспринимал ее всерьез. Давая ей рассказывать мелкие новости. Алю это очень задевает. Но сегодня – край.

Она выскочила из здания редакции, в лицо ударил летний

морозящий дождь. Своими первыми, неуверенными шагами пробегал по крышам домов и автомобилей, все вокруг ожидало: деревья, словно изумруды становились зеленее. Листья раскрывались, будто старались вдохнуть как можно больше свежести. В пропитанном газами от машин городе все ожидало.

Черные туфельки шелкали в направлении подруги. Хотелось с кем-то поделиться.

Аня ее самая первая и единственная лучшая подруга. Еще со школы они неразлучны. Но теперь школьные истории и секреты покинули Алевтину. «Помнишь Аль, как Мишка с парты грохнулся, он тогда кричал стоя на ней...», – рассказывала Аня. А в ответ пустая улыбка. Одна парта, одна первая любовь, которая укрепила их дружбу. Учеба в университете, Аля на журфак, Аня на юрфак, и там они не расставались. Корпус объединил в себе две профессии. Девушки немного разошлись после переезда Алевтины к своему жениху.

Без зонта, приятно гулять под дождем, но не целый час. (Кажется, забыла сумку в редакции). Блокнот с вопросами и с ним кошелек. Придется еще вернуться.

Знакомая дверь приветствовала одиноким глазком. Темные волосы промокли насквозь. От дождливой свежести хотелось согреться. Рука набрала привычный номер домофона. – Привет, Анют, – Аля поздоровалась чуть робко.

– Привет, сейчас открою.

Ступени пролетели незаметно.

На пороге уже встречала Аня. Ее домашняя рубашка до колен, казалась очень легкой. На три размера больше, из-под нее выглядывали розовые шортики, а снизу тапочки под цвет рубашки.

Девушки почти одного. И в плечах и в талии, как две сестры-близняшки, они даже иногда обменивались одеждой. Только кожа у Ани совсем белая, и боялась солнца. Девушка завидовала Алевтине особенно из-за небесно-голубых глаз. Аня считала свои зеленые глаза невзрачными.

А вот судьбы у девушек расходились, как две тропинки в лесу, одна вела в глушь, а другая к свету, к реке с песчаным берегом. У белокожей девушки родители были богаты, папа «шишка» – директор сети автосалонов. Постоянные командировки, пока совсем не переехали в Москву. А дочка решила остаться. Подруга здесь и учеба, и личная жизнь. Заново все строить было бы невыносимо тяжело. Аля даже не знала, кто ее родители.

Глава 6. Карина

Уже двадцать два года. Часто вспоминается то время, когда люди с ног до головы в белых одеждах окружали Карину. А кроме них постоянные боли в голове. Страдания родителей (одного из них точно). Девушка считала, что только мать искренне переживает за ее здоровье, и за ее дальнейшее существование. А отец их бросил и девушка уверена в этом на сто. Мать инсценировала гибель. Отец богат и далеко неглуп, но и мать имела кое-какие средства и связи после развода.

В голове у девушки часто всплывает момент, когда ей исполнилось восемнадцать лет, что происходило до совершеннолетия – являлось для нее загадкой. Новый год жизни – новая жизнь. Как жила в прошлом году? Да черт его знает. И вот он – восемнадцатый день рождения (ровно та дата, что указана в «Карина-02»).

Все вокруг оградилось плотиной, огромной, такой, какой обычно останавливают реки, но что-то пошло не так, конструкция оказалась не надежной. Наверно кто-то схалтурил и не доложил кирпичик – плотина дала трещину, и за доли секунды она рухнула.

В тот момент голова наполнилась за те же доли секунды: «Не ори на меня... твоя дочь не спит, она слышит нас... я заметила, как ты любишь ее... да она больна, но ты хоть пальцем пошевелил, ради нее? Да, ты работаешь, а жена до-

ма... жена с больным ребенком...». Картинки и слова бесконечным потоком – вот и еще одна дамба снесена. Что это? Это боль, но боль почему-то приятная, ей нравилось получать воспоминания. «Здравствуйте, Михаил Степанович... вы уверены, что все получится... спасибо вам... я вас отблагодарю... вы тоже мне нравитесь... я вам еще позвоню, а с мужем я разведусь, вы нас спасли и дали надежду...».

Девушка стояла рядом, картинки стали настолько реальными, что казалось это 2001 год и она рядом с мамой, а та целует пьяного человека в белом халате и он излечил неизлечимую болезнь. «Мам, а ты любишь папу?» – как в колокол ударило в голове. «Я люблю того папу, в которого влюбилась шесть лет назад», – еще один удар. «Мы навсегда уезжаем отсюда?», «Да».

Карина назначила встречу с матерью. Пальцы набирали номер телефона в слепую, наизусть. Увидев родные глаза, для нее случилось еще одно открытие – она прочитала в них все негативные эмоции, что перенесла мать за последние двенадцать лет и это, ей тоже понравилось. Но она возненавидела родного отца и заменила его именем Михаил Степанович – это доктор с добрыми светлыми глазами, пусть с легким запахом коньяка и дешевого табака, но спасшим жизнь и искренне любившим ее мать, а это важнее каких-то запахов. С ним она тоже надеялась встретиться.

«Мам, не называй меня Аленой, я хочу, чтобы ты назы-

вала меня Кариной, это мое настоящее имя», – заявила она Диане, а та только расширила большие темно-карие глаза и, оставаясь в недоумении, согласилась. Новое имя не прижилось.

Для матери осталось секретом, что ее дочь получила странный дар. Где-то в глубине собеседников она находила неизвестную ей ранее правду и скрытые эмоции. Карина не повторяла эксперимент с глазами и эмоциями на других, но с каждым разом «дар» словно волшебный источник начал иссякать – вначале нужен был мимолетный взгляд, потом приходилось вглядываться, через несколько таких повторов она не отрывала взгляд, въедалась в собеседника – источник высох спустя четыре года.

«Меня Алевтина зовут, а тебя? Мой папа доктор. А твой?», – кто-то говорил в голове. Кто эта Алевтина и что это за имя такое? Она не в этом городе, но я знаю тот город – где она.

«Мам, я уезжаю в командировку, пока не могу сказать куда, это по работе, приеду, позвоню... да, да, и я тебя люблю мамочка...».

Потом приезд, все казалось очень знакомым. Как-то очень давно колесо обозрения поднимало ее с родителями на самы верх. За этим углом: кафе, а здесь продуктовый магазин. Этот трамвай, как же его трясет. «Здравствуй, родной город...», – прозвучало в голове. Наступил сезон дождей.

Подъехавший к продуктовому магазину молодой води-

тель для разгрузки. Он не заметил лужу, и джинсы Карины промокли насквозь.

Девушка вспоминала то происшествие с улыбкой. Тогда зародились новые отношения.

Время подгоняло. Карина натянула те самые облегающие голубые джинсы. Они все так же безупречно смотрелись на ней. Тогда он просто отвез, а спустя неделю сам приехал и снял эти джинсы, практически не помяв, прямо в грузовом отсеке. А сейчас он ждал ее через час у себя.

Глава 7. Аля и Аня

Подруги молча, обнялись и зашли в квартиру. Они разместились на широком диване. За окном смеркалось, комнату освещал ночник.

Однокомнатная квартира. Здесь и спальня, и гостиная и танцпол. Диван – он же кровать, такой мягкий, что в нем хотелось утонуть. Правда, он предательски поскрипывал.

– Ну, как прошел день? – Спросила и улыбалась подруга.

– На троечку, Ань, – ответила Алевтина, скинула на край дивана сумку и достала из нее новенький блокнот, – вот, смотри, это поможет мне проявить себя. И доказать всем...

– Это просто блокнот?

– Это новый блокнот, новая жизнь. Я выбросила все старые записные книжки, как и старую работу, – рассказывала девушка. Настрой у нее казался боевым.

– Тебя уволили? – спросила Аня, развернулась и округлила глаза, – за что? Мне казалось ты в любимчиках у начальника.

– Как будто ты не знаешь, что ему от меня нужно? Вообще я сама уволилась. И давай не будем больше говорить об этой редакции.

Аля встала с дивана и начала ходить по комнате. Ее рука что-то записывала на новых чистых листах, а губы что-то нашептывали.

– Что ты там бормочешь? – поинтересовалась Аня.

– Я собираюсь поехать завтра в тот район и задать пару вопросов жителям, – сказала Алевтина, указывая пальцем на миниатюрную карту в блокноте. Соберу достаточно информации для хорошей статьи и вернусь к вечеру. Хочешь со мной?

Девушка была очень вдохновлена, ее голубые глаза просто светились, словно в них отражалась мечта...

– Аль, что за глупости? Зачем тебе это?

– Ты не смотришь телевизор? По новостям почти каждый день, что-то говорят про это место.

– Извини, у меня не получится, сессия. Ты уверена, что это действительно, то, что тебе нужно?

– На тысячу процентов. Жалко, что не сможешь.

– Возьми с собой Сашу. Ты не должна туда ехать одна, все-таки незнакомый район, да и как-то там мрачновато. У меня нехорошее предчувствие.

– Он в области до конца недели, – сказала Аля, вздохнула, обняла подругу и направилась в прихожую, – твою же...

– Что такое?

– У тебя гвоздь торчит из стены.

По колготкам Алевтины, побежала стрелка. Маленький порез проявился каплей теплой алой крови.

– Только новые колготки надела! У тебя есть пластырь?

– Сейчас гляну, должен быть.

– Как-то не заладился у меня, сегодняшней день, – шеп-

тали губы...

– Вот держи. Послушай, Аль, уже поздно. Может, останешься у меня? Помнишь? Как в старые добрые.

– Саша скоро возвращается с рейса, и я как-то отвыкла. Конечно, вечером будет скучновато, но конец недели обещает быть насыщенным.

– Как знаешь, – прозвучали нотки разочарования. – Позвони мне, как доберешься, чтобы я не волновалась.

– Хорошо.

После увольнения с редакции, Але хотелось скорее окунуться в родные мужские объятия. Разреветься на пороге. Поцеловать, поделиться идеей и пожаловаться на того, кто ей испортил день. Да и карьеру не построишь, если твой начальник тебя ни во что не ставит.

Она любила своего молодого человека. Сказать, что сильно, значит не сказать ничего. Каждый свободный час они были вместе. На протяжении уже двух лет. В прошлом месяце он предложил переехать в его съемную квартиру. За исключением время на работе всегда вместе.

Он водитель. Развозил ассортимент по магазинам. В столицу и по области. Бывало, он уезжал на неделю – две. Она редактор в небольшой газете.

Никто никогда не давал повода усомниться в верности. Все в лучших традициях любовных романов. Встреча, любовь с первого взгляда. Закрутилось, понеслось, как неруши-

мый механизм из цветов, свиданий, переезда, казалось, нет, и не будет этому конца.

Алевтина признавала только взаимную любовь.

Летние вечера, теплый ветер обдает лицо. Хватает и подкидывает, связанные в хвостик густые, цвета ночного неба волосы. Столько мыслей в голове: «Стоит ли уходить с привычной работы? Наверное, Денис Михайлович обиделся. Да и пусть, я же не его собственность. И не должна бегать за ним. Поеду и выясню, что происходит в западном районе и пусть он тухнет в своем кабинете».

На часах ровно 21.00. Еще светло. Прохожие обращают внимание на огромную стрелку и белеющий пластырь.

Девушка переживала, хватит ли вопросов в блокноте, кто на них ответит и куда идти в первую очередь. О районе ходило множество слухов.

И пестреющие в каждой газете кровавые заголовки, нагоняли жути.

Подойдя к двери, в голове у девушки, что-то щелкнуло. Появилась тревога. Предчувствие.

За дверью слышался смех, переходящий в визг. Руки задрожали. И не слушались. Ключ назло затерялся в сумке.

Найдясь, он повернулся в замочной скважине, и на полуобороте его что-то остановило. Дверь оказалась не заперта. Саша должен быть еще в отъезде. В голове проскочили мысли, как вихрь, сносящий все на своем пути: «Квартиру огра-

били или?».

Аля нажала на ручку и остановилась на пороге. Сумка упала. Промелькнули все мечты и перечеркнули разом. Девушка еще не понимала, вернее не хотела понимать и верить. Оттолкнула туфли на высокой шпильке, белого цвета. Аля терпеть не могла белый цвет.

– Саша? Ты уже приехал, почему так рано, ты же должен только в конце недели.

Он не дал ей договорить, и, не дав себя обнять.

– Послушай сразу, я тебя кое с кем познакомлю, – сказал и откинул одеяло на кровати, там лежала полуобнаженная темноволосая девушка. Она довольно улыбалась, – Знакомься, это Карина. И думаю, ты все поняла. Ты же неглупая девочка.

Алкоголь заставлял изменщика, слегка покачиваться.

По нарумяненным щекам потекла тушь, руки дрожали, ноги стали ватными. Обида и боль. Столько времени потрачено на ненужного человека. Алых губ прикоснулись соленые капли.

– Какой же ты урод, Саш, – ответила Аля. Девушка не двигалась, а глаза наполнялись яростью.

– А Карина так не считает, говорит, что я красавчик. Да хватит этот разговор развивать, у нас нет ничего общего, Аль. Пойми, мы как с разных планет и видимся очень редко, особенно последнее время. А она нигде не работает, я возьму ее к себе экспедитором.

– Ненавижу тебя.

Хлопнула дверь, на лестничной площадке под ногой хрустнули стекла от лампочки. С тумбочки, упала и раскололась вдребезги, когда-то подаренная им стеклянная птичка.

За дверью восстановился смех...

Гудки...

– Ань... Анечка... алло...

– Аля? Ночь за окном! Ты дошла домой? – ответила подруга, – что с голосом?

– Нет, я стою у твоего подъезда. Открой, пожалуйста, мне некуда идти. Сейчас все расскажу, – в спешке тараторила Аля, захлебываясь в слезах.

– Секунду. Сейчас спущусь.

Дверь подъезда скрипнула, и заплаканная девушка бросилась на подругу, дрожащие руки стиснули ее в объятьях.

– Пойдем в квартиру, все расскажешь.

Алевтина скинула туфли и выдохнула с облегчением, утирая слезы.

– До кровавых мозолей находилась сегодня. Полгорода прошла за час. Ходила, думала, плакала...

– Присядь, я сейчас приду.

– Хорошо.

Аня скрылась на кухне и почти через мгновение зашла в комнату с бутылкой вина.

– Я берегла его на особый случай, но видимо придется

открыть ее сегодня. Давай рассказывай. Что случилось и по порядку.

– Мы расстались с Сашей. Он мне изменил. Я его застукала. Вошла в квартиру. А он мне с порога: «хочу тебя познать...». Урод, ненавижу, четыре года с ним жила, столько всего связывало, а он мне: «Мы разные...», ненавижу.

Подруга, наливая в бокал вино, вдруг остановилась. Ее рот округлился в удивлении.

– Стоп. Как расстались? Как изменил? Саша? Ты ничего не путаешь? Он же тебя так любит или любил... Я не могу поверить.

– Придется, я развернулась, хлопнула дверью и побежала, бежала пока ногу не подвернула. Ему все равно. Когда я выскочила с квартиры, они продолжили веселье.

– У меня нет слов. Держись Аль, – сказала подруга, протягивая бокал с красной жидкостью, – тебе нужно расслабиться.

Спустя пару бокалов, на девичьих лицах стала появляться улыбка, полились разговоры.

– Аль, найдешь ты себе жениха. Ты вспомни, как ты в школе меня убеждала. Как от глупостей спасла, когда Юрка меня бросил. Ну, вспомни же, – обсуждали и хохотали подруги.

Алевтина, допив бокал, ушла в ванну.

– Я кстати, еду завтра, с утра ни смотря, ни на что, – крикнула она из ванной, – всем на зло. Пусть знают, что я не сда-

юсь, а Саша будет локти кусать.

– Может, отдохнешь лучше завтра, а потом мы с тобой вдвоем стоняем туда? – Послышался ответ из комнаты.

Аня крутила хрусталь в руке, перекатывая в нем вино, веки уже закрывались. Часы пробили полтретьего ночи. Темные густые волосы водопадом спускались на тонкие плечи. Молодая грудь немного просвечивала через белую ночную футболку, которая опускалась почти до колен. Стройные ноги разместились одна на другой.

В комнате было чуть светло, свет излучал только небольшой ночник в самом углу комнаты. Вино ударило в голову и девушки находились в приятном, веселом полусне.

– Аль! Ты там утонула в своей ванной? – Возмущалась, с улыбкой брюнетка.

– Ну что? Уже и пописать нельзя? И вообще я зубы чистила. Такой день ужасный. Хорошо, что у меня есть ты. Не представляю, как бы повернулась моя жизнь, не окажись тебя рядом.

Немного шатаясь, вышла из туалетной комнаты Алевтина и плюхнулась почти на подругу. Как-то по-мальчишески обняла ее одной рукой.

– Спасибо тебе Ань, за все, – поблагодарила, а потом задорно, игриво, уже по-девчачьи чмокнула ее в щеку.

Они засмеялись и наперегонки побежали в кровать.

– Слушай Аль!

– Что?

– Ты это, не приставай ко мне ночью, поняла? А то, я тебя знаю. – Снова комната наполнилась молодым девичьим смехом.

– Ты не заметила, что как-то прохладно в комнате, я бы сказала, даже холодно.

– Аль, мне так лень, я уже пригрелась, сходи закрой форточку... – ласково промурлыкала Аня, сворачиваясь в клубок и сжимая крепко в объятиях одеяло.

Одеяло нехотя сползло с молодого тела Алевтины. Девушка лениво поплыла к форточке. Качаясь то назад, то вперед, поддаваясь порывам ветра. Форточка сдалась тонкой руке и закрылась. Щелкнул шпингалет. И одеяло обняло девушку. Понесло в царство снов.

– Ну, как спалось, соня? – спросила Аня. По комнате летал сладкий запах дорогих духов. Она ждала, когда проснется подруга, чтобы та оценила костюм.

– Фу, Ань, от тебя духами воняет за километр.

Аля жмурилась очень наигранно, подстегивая подругу.

– Воняет, пожалуй, от тебя, дорогая. Столько вина выпить.

– Стоп! Сколько время? Черт, уже полдесятого. Почему ты меня не разбудила? Я же не успею ничего сегодня.

– Ты так мило храпела, – весело сообщила подруга. Улыбка не сходила с лица.

В окно заглядывало утреннее солнце. В голове что-то гу-

дело (похмелье). Лучи отражались от зеркала, от пластиковой бутылки. От рамок с фотографиями.

– Кто эти люди? – спросила Алевтина.

– Ты что не помнишь? – удивилась Аня. Это же мои родители. Они сделали эти фотографии, когда мне было лет пять.

– А где они сейчас?

– Уехали в Москву. С тобой точно все в порядке? – Аня встревожилась и нахмурила брови.

– Отцу предложили хорошую работу. И они приняли решение переехать. Я какое-то время прожила с ними, потом поступила в университет и переехала в общежитие. Ты же все это скажешь. А как мы познакомились, ты помнишь?

– Помню, конечно. А вот своих родителей я совсем не помню.

– Ты и не можешь их помнить, ты же не знаешь их.

– Да нет, я про своих родителей. Маму я совсем не помню. Только одна фотография и пара картинок в памяти. А кто она? Какой она была? Доброй или злой, заботливой или нет, я не помню ни-че-го, – сказала Алевтина и заплакала.

Солнце отразилось от наручных часов, слегка ослепляя. Стрелки указывали на десять.

– Все, хватит, мне нужно ехать в район, только душ приму.

– Ты окончательно решила?

– Да.

– Хорошо. Только пообещай мне быть осмотрительнее. – Аня улыбнулась. – И не разговаривай с чужими дядями.

– Иди на работу, уже.

Они засмеялись. Дверь в квартиру закрылась. В душе шумела вода.

Тормоза засвистели, после скрипнули, как фальшивая скрипка и тяжело выдохнули. Аля выпрыгнула из покосившегося автобуса. Остановку со спины полукругом огибала лесная чаща, а лицом она выходила на джунгли многоэтажек. Автобусы в этом направлении ходят редко.

Мимо сверля девушку взглядом, прошел мужчина в сером поношенном костюме, на голове расположилась ковбойская шляпа, а на ногах начищенные, с прошлого века туфли. Он прошел, следом протянулся шлейф дешевого одеколona, затем пролетел и запах вчерашнего праздника.

– Да уж, не одна я вчера... – оборвала себя на полуслове и посмеялась про себя. Потом она окрикнула его, – подождите, пожалуйста. Вы можете мне помочь? Я ищу.

Но неизвестный в шляпе, резко повернул голову, взглядом обжог девушку, на его лице нарисовался испуг. Спотыкаясь о каждую кочку, чуть не падая, он побежал без остановки, какое-то время он еще оборачивался, а потом его скрыли высокие стены высоток.

– Я ищу западный район, – договорила Алевтина уже в пустоту.

Ярко-зеленые кроссовки пошлепали в гущу каменных джунглей. На подходе на нее приветливо смотрели одичав-

шие собаки, оскаливались, но боялись подойти.

– Бабушка, подождите, простите, – она окликнула одинокую старушку, сгорбившись сидевшую на скамейке перед подъездом, – помогите мне, пожалуйста.

Старая женщина, настолько горбатая, что напоминала крюк или даже мотыгу. А голова покрылась плотной дымкой седины, не пепельной седины, а какой-то необычно белой седины. Лицо исписано морщинами и на вид лет восемьдесят, если не девяносто. На тело накинут домашний халат. Вокруг нее витал запах тушеной капусты. Снизу ноги босиком стояли на халате.

– Что тебе внучка? Уходи отсюда, здесь не место молодой девушке. Не губи себя. По тебе видно, что ты неместная. Не из этого ты района, и нечего тебе здесь искать, не губи себя, – причитала старушка. Ее морщины не двигались, не выдавая ни капли эмоций. Монотонный голос, чуть громче шепота.

– Но...

– Ни каких но! Убегай отсюда, я прошу тебя, не губи себя, милая...

– Скажите хотя бы, как вас зовут? – спросила девушка, в спешке доставая новенький блокнот и, держа на коленях, она начала записывать.

Старушка подняла выцветшие синие, как море глаза. И прошептала чуть слышно:

– Баба Инна меня зовут.

Женщина зажмурила глаза. Слезы выдавились и покати-

лись, заполняя морщины на щеках.

– А теперь уходи отсюда, из этого района, как можно дальше, послушай меня, поверь мне. Это тебе не нужно.

Она резко повернулась и со всей силы исхудавшая серая кисть сжала Алю за запястье. Трясаясь и крича ей в лицо, окружая ее дыханием старости:

– Беги отсюда! Беги!

Алевтина с трудом вырвала покрасневшую руку, отошла, а горбатый силуэт затих и уже сидел так же, как и перед диалогом. Неподвижно, словно памятник, со стороны создавалось впечатление, что старуха даже не дышит.

Почувствовался, резко промчавшийся холод, а за ним по всему телу раскатились россыпью мурашки.

– Девушка по стойте. Куда вы направляетесь? Я вижу, вы не местная. Скажите, может, я могу вам чем-то помочь? А то, вы так приключений себе найдете, на одно место, – окликнул Алевтину незнакомец. Говорил о быстро и без остановки.

– Извините, мне уже пора ехать домой. На улице темнеет. Давайте встретимся здесь завтра? На этом месте. Примерно в десять часов. Если конечно вы сможете мне что-то рассказать про эти места?

– Конечно, все, что вас интересует, я с радостью расскажу. Записывайте номер.

Чудноватая улыбка парня, изображала дугу. Губы плотно прижимались друг к другу – как маска, скрывая зубы.

Вечная изогнутая линия. В уголках глаз взорвались мимические морщинки. И говорил он, как голливудская звезда. Горло закрывал высокий шерстяной воротник. Джинсы свободно болтались. В его окружении девушка чувствовала себя уютно. Коренастый парень, среднего роста, глаза, как мелкие изумруды.

Ручка черным гелем начертила цифры на белоснежных листах. Записная книжка захлопнулась, и змейка сумки закрылась.

По дороге назад промелькнули серые, угрюмые многоэтажные постройки. Старая знакомая остановка дождалась девушку. Стекла на остановке кто-то давно выбил.

– Ну, значит до завтра? А вот и мой автобус как раз подошел, – произнесла девушка. В глазах загорелся огонек. Возможно первый адекватный человек в этом месте.

В ответ парень кивнул, маска так же показывала кривую линию улыбки.

Никто не вышел из старого транспорта. Внутри ехали два человека, один сидел вначале, что-то обсуждая серьезно с водителем, другой, облокотившись на окно, негромко храпел.

– А звать тебя как? – крикнул парень, но девушка уже наслаждалась музыкой из наушников.

Автобус зарычал, что-то прохрустело под двигателем, и тронулся.

Глава 8. Дом

Автомобиль марки «ПАЗ» высадил девушку на знакомой, застекленной остановке. Рука достала из кармана мобильник – без него уже никуда в 21 веке. Пять пропущенных вызовов на экране телефона: Начальник, начальник, начальник, ничего интересного, не определенный номер и Аня.

За окном вечер. Солнце пряталось за горизонтом. Забывшие обо всем трудовоголики, спешили домой. Час пик прошел давно, и наступала городская тишина. Детские площадки уже пустовали. А где-то рядом звучал смех охмелевших компаний.

Ноги гудели. А голова переваривала кашу из увиденного, и услышанного за весь день.

Просигналил проезжающий автомобиль. Из него приветливо и нагло улыбалась компания парней. Это центральные улицы, здесь никто не посмеет обидеть или пристать к девушке. Но все равно по телу пробежал холодок. Она старалась держать спину ровно.

Раздался звонок.

– Алло.

– Аль, это Аня, звоню с рабочего. Слушай, я задержусь на работе. Мой телефон разрядился. Зайди к тете Нюре, я ей ключ оставила. Это соседка напротив, на моей площадке. Она в курсе, и жду тебя. Чувствуй себя, как дома. Все.

Не могу больше говорить, начальник ругается. Целую. Буду поздно. Ложись без меня, – скала Аня, в голосе слышалось напряжение.

– Целую...

Стоя на остановке, взгляд уткнулся в знакомого человека. Только кто это? Только когда за ним закрылись двери автобуса, она поняла. Он с утра разговаривал с водителем по пути в западный район. Что он здесь делал?

Подошла маршрутка. Старая дверь закрылась со второго раза. Водитель что-то проворчал. Вроде «холодильником так хлопать будешь своим...». Аля хотела ответить на хамство. Но умирающий двигатель перебил. Ее тряхнуло, и она чуть не упала на колени упитанного мужчины, с засаленным лицом. Мужик уже ухмылялся в ожидании падающего нежного тела. А когда она села в конце кабины, он продолжал смотреть на нее, продолжал сверлить взглядом. Алевтина отвернулась в окно, и это не помогало. Его мысли словно забирались под кофту и грязно касались нее. Девушке стало не по себе.

В окнах маршрутки мелькали фонари и фары встречных легковых. Аля достала книгу, страницы пошелестели в руках, а потом сразу убрала. Читать не хотелось. Машину трясло, на одной из кочек голова достала потолка. Кто-то даже крикнул: «аккуратнее води». Водитель промолчал. А потом выпалил: «кому не нравится, может выйти».

Наконец-то дом. Девушка спешила в предвкушении тепла

и уюта. После напряженного дня. Мягкая постель, кофе и книга казались раем.

– Тетя Нюр, здравствуйте. Аня вам оставила ключи, она сказала вы...

– Да, да, вот держи, милая.

– Спасибо, – ответила Аля, – спокойной ночи.

Ключ щелкнул в двери. И вот он – запах дома и спокойствия. В комнате ударила форточка. Так сильно, что чуть не вылетело стекло. «Господи... ушла, и окно не закрыла», – прошептала девушка.

Пропотевший спортивный костюм с легкостью снялся. Молодое, розовое тело ощутило свободу. Девушка повернула один кран, потом второй. И вода коснулась в начале волос, а после шеи, груди, и робко поцеловала капельками живот, потом ручейки побежали по бедрам и ниже по ногам. Свежесть разбегалась по всему телу мурашками. С полки Аля взяла губку. Пройдя ею по изгибам ключицы, и опустилась ниже. Погладила бедра. Ей не хватало нежности. В душе летал сладкий запах геля.

Красавица накинула на себя мягкое махровое полотенце. Свежесть сменилась теплом. Второе полотенце поместилось на голову. После взглянула в зеркало и похолодела.

Там стояла она, но лицо не двигалось, оно застыло в длинной улыбке. Отражение смотрело прямо ей в глаза. Тишина. В зеркале, промелькнула тень. И отражение ожило.

Девушка дрожала, как голая в лютый мороз. Совсем одна в квартире. Упали последние капли из крана, и комната погрузилась в тишину. Полотенце лежало на полу, тело сжалось и не желало двигаться. В зеркале оно выглядело совсем худым и костлявым. Страх не отпускал. Дрожащая рука подняла полотенце. Пятно крови. Рана от подлого гвоздя дала снова о себе знать.

– Этого еще не хватало, любимое полотенце Ани, – прошептала девушка.

Она нервно набирала номер подруги.

– Ну, где ты? Ответь же, – уговаривала она телефон. В ответ слышался только голос компьютерной девушки, говоривший ей, то на русском, то на английском.

Форточка опять запустила в комнату ночной сквозняк.

– Я же закрывала ее, – вскрикнула Аля.

Замок оказался сломан. И рядом его нет. Словно и не было никогда. Через секунду форточка с силой ударилась. На пол посыпались осколки. Штора бесновалась на ветру. Рама от форточки захлопнулась, но толку от нее уже не было. Не скажешь, что на улице лето, когда по квартире ходит такой сквозняк.

– Ну-же-е-е, – девушка продолжала умолять телефон, а пальцы судорожно давили по резиновым кнопкам телефона, – Ань, пожалуйста. Где ты?

В трубке повторилось оправдание автоответчика. По комнате гулял сквозняк, как освирепевший невидимый зверь,

взметая шторы и страницы прошлогоднего журнала.

– Нужно взять себя в руки, это всего лишь сквозняк. Скотч, журнал и все будет готово.

Один ящик, второй. Опять журналы, тут тоже журналы. Какие-то документы смотрели на девушку печатями.

– Да, чтоб тебя!

Форточка снова врезалась в проем. Начался дождь. Девушка подскочила.

– Да! Вот он! – воскликнула она. В руке поместился рулон скотча.

Через пару минут сквозняку в комнате были перекрыты все входы и выходы. Кое-как она втиснула по глубже форточку и залепила ее страницей журнала. С нее глупо улыбалась модель, рекламирующая новую помаду. С надписью: «Попробуй новый цвет и вкус с...».

Алевтина выдохнула и обнаружила, что полотенце опять разлеглось посреди комнаты. А то, что закрывало волосы, свисало на плечах, как мех из дикого зверя. Ее совсем не смущало, что она голая посреди комнаты. Главное, что все закончилось.

Вскоре девушка согревалась кофе, укутавшись в теплый плед. Тишина. Она дернулась. Звонок в дверь.

Приоткрыв на цепочку, через проем, девушка увидела одинокий конверт, его хозяин видимо куда-то спешил. Раз ушел, не дождавшись получателя.

Напуганная девушка с опаской просунула руку. Новый,

совсем, совсем белый, только из полиграфии конверт. Даже шло от него тепло. Но кому нужно оставлять его среди ночи?

«Я буду присылать тебе на этот адрес письма, если не смогу сказать губами. Не пугайся Алевтин, я хорошая. Мы с тобой как-то уже встречались, но об этом я расскажу при встрече. Только постарайся не рассказывать никому об этом письме. Особенно в западном районе. Я тебе все потом расскажу. Я буду присылать тебе письма через день, опять же если не смогу рассказать при встрече. Наступит время, и ты сама все поймешь».

Алевтина сложила письмо и убрала его в задний карман.

Глава 9. В ресторане

– Вот, товарищ полковник, это Аня – наш новый администратор. Сегодня утром вступила в должность. Хорошая девушка, – сказал толстячок небольшого роста, потом откашлялся, – извините, хороший работник, – покраснев, исправился хозяин ресторана.

Полноватый, невысокий, напоминающий из далека колобка, мужичок с бегающими глазками. Старомодный пиджак сидел на нем хорошо, но не подходит под имидж ресторана.

Георгий Константинович, а персонал звал его – шеф. Для кого-то он был Константиныч и этим людям он старался прислуживать, по полной программе, даже лично выходил принять заказ и этот вечер оказался именно таким.

– Константиныч, не нужно поправляться, ты же комплимент девушке сделал. Я с тобой полностью согласен. Девушка прекрасна и заслуживает внимания.

Аня и шеф стояли рядом со столом, как два памятника, щеки у двоих наливались краской. Одна приняла комплимент, а второй понимал, что здесь он становится лишним.

– Как вас зовут? – с довольной улыбкой спросил офицер.

– Анна, – ответила девушка. Она, конечно, не знала, кто эти люди за столом, но если шеф за ними бегает как хвостик и «целует в зад», то значит, она краснеет не зря. Она их и раньше видела, но обычно они заходили ненадолго и уходили.

ли, а если их и обслуживал кто-то, то это был шеф. Другие обходили этот столик стороной. В этот раз эти люди пришли под конец рабочего дня, и начальник решил познакомить с ними девушку. Это не его желание.

– Простое и в тоже время красивое имя, – сказал офицер, довольно улыбался и сканировал девушку с головы до ног. Остановившись, то на груди, которую обтягивала белая блузка (сидела на ней очень складно), а потом на стройных ножках, которые почти до колен скрывала рабочая юбка.

С его статусом он мог разглядывать любую девушку.

Аня молчала, как и подобает в таких ситуациях. Сама не понимала зачем, но она хотела понравиться им.

Про Константиныча уже давно все забыли, как про инструмент – попользовались и отложили в сторонку. Офицер сделал характерный жест рукой, как бы отмахнулся и шеф понял без слов, видимо не впервой и удалился к себе в кабинет. У хозяина ресторана было правило: не покидать ресторан до последнего клиента – фанат своей работы – истинный трудоголик.

– Ну-у-у-с, Анна, вам нравится ваша должность? – продолжил человек в форме и отодвинул стул.

Девушка без слов, видимо прочитала по глазам, что нужно сесть на этот стул.

– Конечно, – ответила Аня, продолжая смущаться, ноги растеклись по стулу. Они гудели от усталости.

Вдруг она вспомнила про подругу. Мобильник заряжался

в кабинете шефа.

– Извините меня, мне нужно отойти. Я скоро вернусь. – сообщила девушка, в голосе чувствовалось неудобство перед гостями и тревога. Женское тонкое чутье о чем-то предупреждало.

– Да, конечно, Анна, сходи, попудри носик, – ответил и подмигнул ей офицер.

Аня наигранно улыбнулась и хихикнула, а через несколько секунд ворвалась в кабинет шефа.

– Что случилось, Анечка, они тебя обидели? – побеспокоился толстяк, поднимая бегающие глазки и откладывая в сторону свои бумажки. Дернулся и чуть не свалил настольную лампу на пол.

– Я сама кого хочешь, обижу, – рывкнула она. Потом одумалась. – Ой, простите Георгий Константинович за мой язык, это нервное.

Трясущиеся от предчувствия руки включали телефон.

Он, молча, улыбнулся в ответ и зарылся в поисках какого-то важного документа.

– Ну же, ну-у-у-же, – уговаривала она телефон. И вот долгожданная надпись «HELLO» и знакомая мелодия. Экран показал три пропущенных вызова от Алевтины и СМС. Она стала набирать, в ответ: «абонент не отвечает...».

– Черт...

– Что случилось? – встревожился толстячок.

– Нужно бежать домой, срочно, извините, – за что-то из-

винулась Аня.

– Хорошо, если очень нужно я сам обслужу гостей.

– Спасибо вам, Георгий Константинович, – быстро, как пулемет пролепетала девушка.

Она выбежала в зал. К столику. Там сидели уже подвыпившие VIP – клиенты. Они с невыдуманным удивлением смотрели на летящую к ним девушку. Только и слышно цоканье шпилек о паркет.

– Простите, мне нужно бежать, – сказала девушка, пытаюсь отдышаться.

– Не спеши красавица, – остановил один из сидящих за столом. Всего их было двое, – лучше расскажи нам, что у тебя стряслось, мы поможем, поверь.

– Ну-у-у...

– Ну что ты, как девочка ей богу, мы же не кусаемся, а наших связей хватит, чтобы помочь тебе в любом вопросе, – голос хмельной, но речь оставалась связной.

Она замялась. Знала, что не стоит первым встречным, даже если они очень любезны с тобой. Не стоит рассказывать о проблемах, тем более о проблемах подруги. Но помолчав несколько секунд, выплеснула:

– Проблемы не у меня.

– А у кого же, – интересовался офицер, – в семье что-то?

– Почти, – продолжала девушка, дыхание почти восстановилось. – У моей очень хорошей подруги. И она для меня, как семья. Она ездила сегодня в тот район, ну знаете, навер-

ное, которым у нас детей уже пугают, район с самоубийствами...

Она не успела договорить. Ее перебил уверенный, но мягкий бас:

– Твоя подруга ездила в западный район?

– Да и у меня плохое предчувствие, нужно бежать, у нее последнее время что-то с головой, ведет себя немного странно. – На этой фразе она поняла, что взболтнула лишнего и остановилась, поймав легкий и строго задумчивый прищур человека по прозвищу полковник. Ей показалось, что остановка была как раз вовремя, но ошибалась.

– Сколько ты говоришь лет твоей подруге?

Его глаза стали похожи на щелки, он смотрел на девушку, будто она рассказывает что-то очень интересное. Глаза загорелись, словно сделал грандиозное открытие.

– Двадцать два будет, а что? – не задумываясь, ответила девушка.

– Кариночке тоже могло быть двадцать два, – прошептал чуть слышно, скорее, для себя, чем для кого-то. – Не может быть... – Глаза немного расширились и заблестели, и дело было совсем не в залитом алкоголе.

– Что? – переспросила девушка, – я не расслышала.

– Тебе не нужно это знать, ступай.

Он смотрел уже в прозрачную, натертую до ослепительного блеска пепельницу, а потом перевел взгляд в окно. (Полировать пепельницу – это как чистить зубной пастой обще-

ственный унитаз – все равно загадят). И что-то переваривал у себя в голове, разглядывая пустоту.

– Извините еще раз, я могу идти? – переспросила девушка.

– Не может быть, не может быть, – повторял, как заведенная китайская игрушка на одной волне офицер.

– Извините? – повторилась Аня.

– Да идите, Анна, я думаю, мы с вами еще встретимся. Я подумаю о том, как вам помочь, – сказал, сидящий за одним столом с полковником человек.

– Спасибо, – девушка кивнула и сорвалась с места.

– Возраст именно тот, что должен быть у его дочери, какие-то проблемы среди ночи, связанные с западным районом, и Анна эта, как-то уж сильно была напугана. И у нее что-то с головой. У ее подруги, – начал перебирать вслух, хаотично лежащие мысли, полковник.

Он хотел вначале убедиться, что это она. Да при всем, он просто по статусу не побежал бы на поиски кого-то. И этот толстяк «жополиз», знает о разговоре с его официанткой – администратором. Большой риск. Но появилась надежда, что дочка его главного врага жива, а это значит, что есть возможность вытащить и его – чертова доктора. Не мог он поверить, что этот урод в халате, что загубил его жизнь, мог так просто отбросить копыта – он где-то прячется.

Аня выскочила на улицу, повеяло прохладным ветром, волосы разлетелись. Спустя пару минут, офицеры уже нали-

вали «еще по пятьдесят». Был день рождения того, что сидел напротив полковника.

Когда Аня прибежала домой, Алевтина уже спала.

Неуправляемый поток в голове. Сознание отдавалось градусам, что были в их напитках и глаза постепенно наполнились слезами. Сильный человек, которого боялись очень многие в городе, сейчас рыдал, как школьник. Такие люди могут показать слезы, только оплакивая своих родных. Несправедливо отнятых родных и близких. Его тревожило в жизни только одно. Жив ли доктор и его дочь. Официантка заставила задуматься.

– Нужно проверить, – вырвался разрушительный крик офицера.

И его рука резко смела полукругом всю посуду, включая белоснежную скатерть, введя собеседника в замешательство, но он не растерялся.

– Что нужно проверить? – спросил он, отпрянув немного от стола. Половина того, что лежало на полу, составляли белоснежные осколки.

– Проверить все, что сказала эта стерва в юбочке, – кричал полковник, потом громко икнул и продолжил, – подруга у стрелы, – Ик... – ну ты сам слышал же, – Ик... – проверить, я сказал, ты меня понял?

Рука снова повторила сметающее все на своем пути движение, но все уже и так лежало на полу.

– Я вас понял, – согласился его собеседник. Не согласиться невозможно. Все, что касалось вопросов того доктора, его начальник переживал болезненно.

– Серега. – Ик... – Ты же со мной уже много лет и в горе и в правде и везде... – Ик... – Мы найдем его, Серег, ты меня слышишь? Он ответит за мою девочку. И за мою жену. Слышишь? Ответит. И за нашу с тобой жизнь ответит. – Голова этого с виду очень влиятельного человека непослушно опустила в ладони, и из глубины грудной клетки вырвался глубокий вздох, продолжаясь всхлипами.

Этот человек всегда держал свое имя в тайне. Поначалу это было обязательным для его личной безопасности и для безопасности его семьи. Занимая хоть и незначимое место, но все же место в списке «ФОРБС», он должен был быть скромнее остальных. В отличии от многих своих партнеров и конкурентов, он прислушался к советам начальника его охраны – Сергею. Идея с другим именем в списке была его. «Вы должны быть невидимы и тогда перед вами откроется больше перспектив...», – говорил Сергей.

Когда обнаружили у его дочери опухоль, его жена каждую секунду находилась с ней. Полковник часто винил себя в болезни дочери и бросил все силы на ее спасение. Иногда он умолял сделать врачей хоть что-нибудь. А порой угрожал. Вскоре он встретил Михаила Степановича с совершенно новым решением и поверил ему. Сомнения были, но другого

пути не оставалось. Тогда он и профинансировал этот проект.

Дочь спасена, опухоль рассосалась практически мгновенно. Но через некоторое время от него ушла жена. Тогда он угрожал супруге и требовал отдать дочь, но все оказалось тщетно. Она добила его новостью, что дочь не выжила после операции. С такими вещами обычно не шутят. И алкоголь стал литрами заливаться в его организм.

Все произошло очень резко, как крутой поворот и он потерял управление. Разбившись на нем, потерял бизнес, уважение своих партнеров тоже разлетелось вдребезги, словно пластиковый бампер о дерево. Было одно желание – уничтожить доктора, что сломал ему жизнь. Но найти его не получалось. Испарился в воздухе. Дошла информация, что в этом замешана бывшая жена полковника (видели ее машину в городе). И бывший бизнесмен загорелся еще больше ненавистью. Доктора объявили в розыск. Но все безуспешно. А вскоре сообщили о его смерти: «Сердечный приступ – у него всегда было слабое сердце». Еще тогда эта информация показалась нереальной – скорее фантастической, чем документальной. Но ему пришлось смириться, заливая в себя водку.

Оставались еще люди, что помнили его и уважали. Все произошло в декабре, когда его лишили последних намеков богатства. В снегу отражалось полночное время, а в стакане поблескивал молодой коньяк. Голова раскалывалась от вчерашнего разгула. А друг куда-то отошел. Ладони держали

потяжелевшую от проблем голову. Проблемы появляются с геометрической прогрессией, в такие минуты он предпочитал забыться.

– Вот он, – послышался до боли знакомый голос.

– Спасибо, ты пока присядь к нашим, хорошо Серег? – продолжил другой, но тоже довольно знакомый голос.

Сергей кивнул и удалился через весь зал ресторана за другой столик.

– Ну, ты даешь. – Этот голос был уже совсем рядом, почти в ухе. Он сел напротив, – и это тот полковник, что когда-то «вытащил меня из задницы»? – он сделал паузу и послышался звук вытекающей в стакан жидкости, – пожалуй, я тоже немного выпью, все-таки, сегодня у меня день рождения. А ты я так понимаю выпивал здесь за мое здоровье? – в его голосе послышалась усмешка.

Полковник молчал. Видимо состояние, не давало ему возможности определить, где сон, а где реальность. На столе одиноко стояли две пустые бутылки.

Человек выпил то, что секунду назад еще колыхалось в прозрачном стакане. И продолжил:

– Мне про твое положение рассказал Сергей, – говорил человек напротив, – он отличный парень и очень за тебя беспокоится. Я надеюсь, ты еще помнишь своего охранника. Ты еще, кажется, называл его правой рукой?

Голова полковника как-то неуклюже покачнулась.

– Вот и славно. Честно говоря, я тоже забеспокоился. Я думаю, мы с тобой это еще обсудим, когда ты оклемаешься, поэтому давай сразу к делу. Я хочу тебе помочь.

Голова бывшего бизнесмена качнулась и поднялась. В глазах стоял хмельной, нездоровый блеск.

– Ага, ты все же с нами, – сказал собеседник и его губы растянулись в улыбке, оголяя безупречные зубы, – у меня сразу к тебе предложение. Есть возможность перетянуть тебя в органы. Получишь хорошую должность. А друзей у тебя во всех структурах немало. И я думаю, подняться по лесенке и достичь хотя бы твоего прозвища тебе не составит и труда. Не зря же все тебя зовут «полковником», – закончил он и пододвинул ладонь в сторону бывшего бизнесмена, – я, конечно, дам тебе время подумать и чтобы ты на утро ничего не забыл, прочитаешь эту записку, когда протрезвеешь.

Он поднял ладонь, из-под нее выглянул белоснежный лист бумаги.

– Сергей не в обиде на тебя, он проследит за твоим решением, и как ты решишься, сразу даст мне знать.

Собеседник повернулся в сторону шумного столика, прикрывая глаза, кивнул несколько коротких раз, как бы говоря, что все решил и скоро присоединится к ним.

– Давай друг, я думаю, мы с тобой еще увидимся, и ты будешь в форме, – двузначно сказал старый знакомый и на прощание сжал плечо полковника.

На следующий день к обеду Сергей уже передал согласие.

Глава 10. Первые ответы района

– Вы серьезно считаете, что здесь, в этом районе, есть что-то противоестественное? – переспросил парень и засмеялся, – это все сказки.

Он знал наверняка, что здесь происходит, но не подавал виду.

– Но ведь здесь, почти каждый день происходит что-то необъяснимое? Эти странные смертельные случаи, пропажи людей. Или у вас здесь орудует маньяк? – повторяла вопросы Алевтина. В спешке чертила ручка. А вокруг опять этот мрачный, богом забытый район.

– Не слышал я ни о каких убийствах и пропажах. Раньше я здесь жил, потом переехал в центр. Пару лет, как вернулся сюда. Тишина и покой, хороший район.

– А что тогда мне пыталась сказать та бабка? – спросила Аля, указывая на силуэт под десятиэтажкой, – она умоляла меня уезжать из этого района, клялась и плакала, что здесь что-то не так.

– Хм, да. Знаем ее. Она сумасшедшая. Ей все время кто-то видится и слышится, – сказал парень, облокотившись на машину, – она потеряла почти всю семью.

Аля стояла в ожидании своего знакомого в свитере. В прошлый раз она забыла спросить имя. Они договаривались на десять. А часы перешли отметку в половину одиннадцатого.

Солнце становилось жарче. К двенадцати начнется сиеста. И так хочется в тени, но нужно дождаться. У девушки было бы оправданием опоздать из-за автобуса, но в пунктуальности ей не занимать. А какое оправдание у человека, который живет здесь? Она не знала где, но район по сравнению с другими совсем небольшой. Может дом этого человека за спиной в сорока метрах.

– Вы кого-то ждете? – спросил, проезжавший мимо водитель, – спросите меня, я здесь знаю почти каждого. Я местный таксист. И работаю исключительно в двух районах. Отсюда в центр, из центра сюда, – уточнил он.

– Меня интересует парень один...

– О, ну понятно, а в других районах нет нормальных?

– Вы не поняли меня, – оправдывалась девушка, – мы просто познакомились здесь и он обещал рассказать мне про район. Я журналист. Мы договорились встретиться здесь.

– Хорошо, хорошо. Как он выглядит? – спросил таксист. Он нахмурил брови, а лицо приняло задумчивый вид.

– Знаете, он немного чудноватый, – начала она. Переминая ноги.

– Пф, – вырвалось у парня, – да тут пол района таких. У каждого свои тараканы.

– Я вас поняла, сама разберусь.

– Ладно, все, больше не смеюсь, обещаю.

– Короче. Чудноватый, в высоком свитере, джинсы вроде, такие потертые. Еще он все время улыбается, проводил ме-

ня...

– Стоп! Как ты сказала? – перебил он ее.

– Свитер высокий, джинсы...

– Да нет, улыбается, говоришь все время?

Лицо парня резко поменялось. По описанию это копия его брат, он единственный такой в районе, один свитер, одни и те же джинсы, а самое главное – улыбка. Что-то в голове не так после «веселого» детства. Но он парень не дурак, девушка угадала со словом – «чудноватый».

– Ну да, у меня создалось впечатление после той бабки, что он здесь самый счастливый житель, – договорила девушка.

Таксист обхватил голову и опустил почти до колен. Что-то прохрипел.

– Что? – переспросила Аля.

– Я говорю, уходи из этого района. Ничего хорошего ты здесь не найдешь.

– Но почему? – ответила девушка, – что не так? Пару минут назад вы были готовы мне помочь найти здесь любого человека, а сейчас упираетесь. Что в нем не так?

– Не задавай лишних вопросов и лучше уезжай быстрее. Я тебя даже отвезу. И не возвращайся сюда, если не хочешь попасть в историю с плохим концом.

Дверь Мерседеса захлопнулась и они уехали. Из-за угла слышались тихие шаги. Высокий свитер, джинсы. И слезы на глазах.

– Мы так и не познакомились, меня Алей зовут, – сказала девушка уезжающему таксисту.

– Очень приятно, а меня Димой.

Глава 11. Охота открывается

– Нам необходимо зачистить последствия эксперимента. Он вышел из-под контроля. В районе хватает психов, еще не хватало нам полгорода потерять. Пока себя раскрыли трое, и их необходимо убрать. Девчонка, парень, который, кажется, в детстве гулял с ней. И тот ненормальный на окраине. Всех найти и... ну ты знаешь, что делать. В городе паника начинается. Как мне известно, девушку уже давно не видно в этом районе. После самоубийства матери, она пару раз уже появилась районе. Ходили слухи, что она погибла. Есть версия, что эта девчонка – дочь того фармацевта, что начал это все. Да, где находятся эти двое нам известно, и район они не покидали почти ни разу. А вот где девчонка может знать ее отец. Ты видел его в гробу? – говорил человек уверенно, чувствовалась выправка, все четко и по полочкам. И ни слова о том, что он уже знает, главное запудрить мозги, – его хоронили в закрытом гробу, точно мы не можем быть уверенны... пробить все возможные связи, найти информацию, любую зацепку... да... вышли к нему людей, найдете его, найдете и девчонку, – он продолжал, все так же уверенно. Все это игра, вопрос только кто и когда водит, – если она уже умерла, то он должен знать, а если нет, я думаю, он или она расскажет что-нибудь интересное. Короче ищите. Что значит, если не найдем? Проинструктируй ребят, чтобы да! И еще, есть ин-

формация, что похожая девушка работает в местной газете. Проверить все редакции в пределах города. А это уже ваши проблемы – сколько их и как вы все это успеете...

Большой человек в кителе положил телефонную трубку. Почесывая щетинистый подбородок, он ходил по комнате. Обстановка в районе вышла из-под контроля. Видимо захотелось, чтобы человек на той стороне провода и тот, кому он передаст отчет, думали так, что девчонка эта всего лишь убийца и не больше, ее необходимо найти и отдать под суд. Но на самом деле ему хотелось найти девчонку совсем для другого дела. Чем больше людей будут ее искать, тем лучше. Тогда непонятно кто именно ее схватит. И в этой толпе различных служб будет не ясно, кто за всем этим стоит, а когда она попадет к нему в руки, он-то точно придумает сказку, о ее гибели (погибла при сопротивлении...). А когда туман рассеется, воплотиться, задуманная им цепочка: девчонка – ее отец – месть.

– Послушай нас, Денис Михайлович! Мы понимаем, что она хороший сотрудник, спортсменка и просто красавица. Но вы должны ее уволить. Ей нечего делать в этом районе.

– Я ее не пускал туда... – бормотал Денис Михайлович, дрожащие руки не слушались, поджигая сигарету, – она меня не послушала. Выскочила из редакции, как сумасшедшая. Я пытался ее уберечь.

– Она и так уже глубоко капнула из-за вашей редакции и

если вы ее не уволите, поверьте, Денис Ми-хай-ло-вич вам будет не до улыбки, – сказал крепкий парень, как бы вбивая в него каждое слово, – я думаю, мы друг друга поняли, – закончил гость, упираясь на стол своими огромными руками. Глаза сверлили сжавшегося редактора.

– П-п-поняли, – ответил редактор, откладывая не зажженную сигарету, – а если я попробую ее переубедить не ездить?

– Слышь, умник. Ты ее удержать не смог! А теперь хочешь ее в чем-то убедить, когда она гуляет там? У нее слишком длинный красивый носик. У нее вообще должно пропасть желание, что-то писать. А чтобы она перестала ездить туда, мы сами сделаем. Уж поверь...

– Только не...

– Мы ей ничего не сделаем, не переживай. Наш босс нам голову за нее оторвет, не только тебе, она нравится, – уточнил гость и хлопнул с улыбкой по плечу, – да и в городе уже беспокойно, зачем усложнять. Подскажи нам, где кабинет отдела кадров или где там у вас данные о работниках хранятся?

– По коридору направо.

Голова опустилась прямым в раскрытые ладони.

– Спасибо, мы уже приехали, мне нужно здесь решить вопрос с работой, а потом я домой, обещаю, – сказала Аля, улыбаясь парню, который подвез до центра.

– Обращайся. У меня есть просьба. Тот человек в свитере,

ты знаешь о ком я, он немного свихнулся, будь осторожнее. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

Девушка вышла из машины, кивнула и машина скрылась в направлении забытого района, оставив за собой клубы пыли.

Аля подошла к знакомым дверям редакции. К родным, как она думала. Девушка работала здесь уже два года. Совмещающая с учебой. Тяжело вздохнула с чувством разочарования и облегчения. Поднялась на второй этаж. Перед ней открывался узкий коридор.

Редакция не имела собственного здания. Им приходилось платить аренду, снимая несколько комнат и подвальное помещение, которое теперь занимала печатная техника. Старое строение, в котором когда-то трудились швеи. Начальник занял кабинет бывшего руководителя предприятия. Скромно и немного тесно, но для молодой газеты это вполне.

Дверь резко открылась, и навстречу ей выскочили два амбала. Один из них искоса глянул на Алевтину, и они исчезли в коридоре. На лицах читалось напряжение и недовольство. Дверь чуть не вырвало с петель. Оба в черных костюмах, на головах блестели лысины. Лицо того, что стрельнул в девушку взглядом, Але показалось знакомым. Возможно кто-то из детства. С виду уверен в себе, видимо старший из них.

Девушка, постояв немного в стороне, сделала нерешительный шаг в кабинет. Начальник, как обычно сидел за своим столом и что-то писал. На листе формата А4 по середине, она увидела слово: «Заявление». Денис Михайлович писал

быстро, не замечая Алю. Потом подписал и отбросил ручку, которая докатилась до края стола и остановилась.

– На! – сказал редактор, вручая заявление, – тебе осталось только подписать, если ты передумала, то уже поздно, надоело из-за тебя угрозы выслушивать.

– Вам угрожали? – спросила Аля, – не понимаю ничего.

– Не нужно тебе ничего понимать, подписывай и иди своей дорогой. Не трать мое и свое время.

– А где мои...

– Твои вещи у кабинета бухгалтерии, там и расчет заберишь.

Але стало немного обидно, что вот так. Хотела уйти, а получилось, выгнали. Девушка не спеша чиркнула по бумаге. Бросила огонек голубых глаз на бывшего начальника и вышла.

Когда-то она так подписывала «Заявление», и была счастлива. Тогда ей казалось, что исполнилась мечта, и она будет заниматься любимой работой. Шла она домой счастливая и там ждал любящий человек.

Через два года все повернулось вспять. Нет любящего жениха, нет того дома, хоть не своего, но за это время ставшего родным. Осталась только она и подруга, которая пропадает на работе, да начатая статья. Она чувствовала себя брошенной и никому ненужной. Но ей приходилось держать себя в руках и двигаться дальше. Дописать статью. Доказать всем и самой себе, что она непустое место. Но она еще не дога-

дывалась, кто эти люди и что им нужно от ее начальника. И почему он был так напуган. А самое главное, она ради кого они здесь появились.

К редакции подъехала машина. Мигалки погасли. По лестнице пробежали тяжелые сапоги на второй этаж. И дверь к редактору опять распахнулась.

– Почему без стука? Что вы себе позволяете? – заорал Денис Михайлович, резко встав из-за стола.

– Заткнись и присядь, дядя, – фыркнул на него человек в форме. Тебе сейчас лучше молчать и отвечать на мои вопросы!

– Вы не имеете права!

– Он мне еще что-то про права говорит, слышишь Макс? – обратился новый гость к напарнику, – ему ли говорить сейчас о правах.

Видимо это какой-то отдел полиции, но редактор не мог определить, кто именно эти ребята.

Перед ним мелькнуло удостоверение: «Капитан полиции, Сергей...» и больше ничего. Ужасный шрам, пересекающей две губы, сшивая их одной толстой серо-синей нитью.

Один из сотрудников поставил стул и сел напротив. Шрам зашевелился:

– Вот мой первый вопрос. Предупреждаю, лучше говори правду. Твоему положению сейчас никто не позавидует. Где девчонка?

– Я не имею представления, о ком идет речь... – выкрикнул Денис Михайлович.

– Я тебя предупреждал на счет вранья? Придется познакомить тебя со своим помощником. Он любит убеждать таких несговорчивых ребят, как ты.

Сотрудник медленно открыл кобуру, и редактор увидел, как на него со стола смотрит черное отверстие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.